

Жания Аубакирова

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ...

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Давно хотела написать книгу... Но одно дело – отвечать на вопросы журналистов, писать путевые заметки, готовить аналитические или просветительские материалы. Совсем другое – книга, в которой музыка и жизнь – неразделимы.

Музыка – искусство, из которого мы черпаем величайший духовный опыт человечества. Все лучшее в людях и в себе я узнала через музыку. Ни одного дня сознательной жизни я не прожила без музыки. Она была и остается источником, из которого черпаю силы и вдохновение.

В повествование вошли дневниковые записи разных лет, истории о встречах, которые невозможно забыть.

Давно заметила, что в записных книжках или телефонах – контакты государственных чиновников, бизнесменов, дипломатов, иностранных партнеров, родственников, и совсем немного – друзей, приятелей и знакомых. Ты смиряешься с тем, что времени хватает только на деловое общение. Оно стало нормой в мире планов, проектов, совещаний, переездов, но иногда, как награда за труды, сменяется подготовкой к концертам, репетициями студентов, вдохновляющими встречами со зрителем...

А концертная жизнь? Так уж случилось, что собственная концертная деятельность смешалась с организацией концертов для студентов и педагогов; их успехи доставляли столько радости, что часто перекрывали удовлетворение от личных творческих достижений...

Если проверить на «весах времени» основное состояние души, то станет ясно, что благодарность по отношению к людям – учителям, коллегам, друзьям, родным – в целом жизни, полной счастливых переживаний, перевешивает все остальное.

Память хранит множество светлых имен, их намного больше, чем тех, о ком удалось написать, – значит, будет чем заняться в полетах, в залах ожидания, в моменты душевного и «писательского» воодушевления.

Люди пишут, чтобы понять что-то важное о себе и найти отклик у тех, кто со-чувствует? Может быть... Наверное, и я не исключение.

Глава 1 НАЧАЛО

Брат Канат поделился воспоминанием.

Как-то мама, после череды трудных и напряженных периодов моей подготовки к участию в международных конкурсах, спросила у него: «Ты мне честно скажи – как она вообще играет? Какой у нее уровень по сравнению с другими мировыми, признанными пианистами? Зачем она хочет соревноваться на таком уровне?» Обычно большинство вопросов и проблем мама решала самостоятельно и без сомнений. Но ведь в нашей семье никогда не было профессиональных музыкантов, особых музыкальных традиций, каких-либо знакомств с фортепианными педагогами или артистами... Канат был для нее самым большим авторитетом, поскольку играл на скрипке и учился в Байсеитовской школе. Конечно, она все-таки доверяла своей интуиции, когда, одновременно с сомнениями, мечтала о мировой артистической карьере дочери. Мама впоследствии рассказывала о своей мечте, как сидит она в каком-нибудь роскошном зале одной из мировых столиц. Кто-то из зрителей спрашивает: кто эта женщина в первом ряду? А ему отвечают – это мама пианистки, которая сегодня блистает на сцене...

ТАКОЕ ЖИВОЕ И ОТЗЫВЧИВОЕ ЧУДО

Незабываемы детские ощущения перед клавиатурой пианино. Таинственные черно-белые поля с как бы разбегающимися полосками, каждая из которых, казалось, связана с чем-то очень увлекательным – мои детские фантазии были бесконечными!

С нами в соседях жила немка – альтистка, у нее дома стояло пианино с традиционными салфеточками – чисто в немецком стиле. Я нередко прибегала к ней послушать игру на пианино. Было так интересно наблюдать, как возникает музыка, и казалось, что совсем нетрудно научиться играть на инструменте.

Интерес формировался и в семье. Мама училась в Ленинграде, обладала значительными культурными познаниями, посещала Мариинский театр, музеи, капеллу и потому всегда хотела, чтобы дети были приобщены к искусству.

Когда пианино появилось в нашем доме, я сразу стала пытаться на нем играть. Оно было для меня таким живым, таким теплым и потрясающе отзывчивым! Клавиши находились еще на уровне моих глаз – черные, белые, сверкающие.

Мне нравился его запах, и, естественно, звуки тоже нравились. Я быстро поняла, как подбирать известные мелодии. И моя мама, которая никогда в музыкальной школе не училась, могла по слуху подобрать любую мелодию и на гитаре, и на домбре, и теперь на пианино. Она просто находила эти звуки на инструменте и составляла мелодию.

Появление пианино стало ярчайшим событием жизни. Ведь впечатления детства в то время у всех были традиционными: нас окружала замечательная природа, мы много играли на улице, я видела домашних животных, видела, как травка растет, как деревья расцветают, то есть эмоций по поводу прекрасного окружающего мира было предостаточно. Но пианино оказалось чудом из другого – сказочного мира.

К нам в гости среди многих друзей и коллег родителей приходила тетя Шамшия (дочь Каныша Сатпаева), умевшая играть на пианино. Я с нетерпением ждала ее прихода, словно сказочной волшебницы, под руками которой инструмент зазвучит по-настоящему. Хотя и я уже играла – сначала одной рукой, потом – другой, потом пробовала обеими вместе. И без конца просила родителей отдать меня в музыкальную школу. «Ну ты же умеешь играть!» – подначивал меня папа. «Это не то! Мне надо двумя руками!» – не сдавалась я. Понимала уже тогда, что это не то...

Не могу сказать, что я ничего другого в жизни, кроме фортепиано, не воспринимала. С детства было понятно, что я любопытный человек, мне нравилось учиться, нравилось красиво писать, прибавлять и отнимать. Но фортепиано всегда было чем-то родным, своим. Его купили, видимо, в шестьдесят втором году, потому что спустя полгода после этого события я пошла в школу.

Мама решила отдать меня туда, где общее образование предоставлялось вместе с музыкальным. Такую школу рекомендовала ей подруга, в то время заместитель министра культуры Уасиля Садыкова. Это была знаменитая школа имени К. Байсеитовой, в которую принимали только особо одаренных в музыке детей. Но у мамы не было каких-то далеко идущих планов относительно будущего дочки – главным являлось, что наполняемость классов здесь в два раза меньше, чем в простых общеобразовательных, то есть до двадцати человек в классе.

Наступил день экзаменов. Решили, что я спою на прослушивании песенку «Мы с тобой два берега у одной реки...» – надо заметить, не совсем детскую, но ведь я знала только взрослые песни, которые пели мама и тетя. Не обошлось в этот важный день без казуса: сандалики, в которых меня должны были повести на экзамен, внезапно разошлись в местах соединения с подошвой, и мама попросила не слишком болтать ножками, чтобы не бросалась в глаза аварийная обувь. Я послушно кивнула. И в самый ответственный момент я сидела и радостно размахивала ногами, а бедная мама, забыв о радости от успешного поступления в элитную школу, стеснялась рваных дочкиных сандалий.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В МУЗЫКЕ

Самое страшное в моей детской жизни случилось в первом классе, когда через пару месяцев после начала учебы меня отдали в интернат. Почему отдали? Потому что добираться до школы надо было более часа, с пересадками, в переполненных автобусах... Да еще и улицу переходить. И родители решились. А для меня яркие краски детства сразу потускнели. Утром в интернате поднимали очень рано, по-

том заставляли сидеть всех вместе в какой-то темной, холодной комнате – для чего, я не понимала.

А еще в первый же день дети спрятали мою домашнюю одежду, потому что я оставила ее не там, где положено. Сделано это было намеренно, по закону коллектива, который серьезно напугал своей силой! Помню до сих пор грозный образ Тони Ни, пятиклассницы, по распоряжению которой это было сделано. Я так горько плакала, что Роза Нусупова, девочка из моей группы, сжалась и показала, где лежат мои вещи, а главное – поддержала морально. Когда я подросла, увидела, что Тоня Ни – милейшая девушка... Но я так не готова была жить вдали от родителей!

Как-то меня задержали на уроке музыки в школе, и интернатский автобус вез меня одну в эту мрачную «тюрягу», где меня накормили серыми, разваренными в воде макаронами, без подлива, без масла, видимо, остатками еды.

Крепко засел в памяти и еще один кошмар. К Новому году я должна была танцевать туркменский танец. Костюм достался мне мешковатый, танец не отрепетировали. Испытывая огромную неловкость, я чуть не упала, потеряв равновесие, с убогой малюсенькой сцены, да еще с елкой... Как хорошо, что я не танцовщица!

Но были и приятные моменты в моей краткосрочной интернатской жизни. Очень быстро я разобралась со звуковысотностью и устраивала маленькие аттракционы для желающих: становилась спиной к пианино и угадывала любую ноту или одновременно несколько, нажимаемых какой-нибудь девочкой или мальчиком.

Вскоре, после явно неудачного дебюта в интернатской жизни, я вернулась домой и, шестилетняя, стала самостоятельно ездить из дома на общественном транспорте. Не помню, чтобы я сильно страдала: тесноту автобусов воспринимала в порядке вещей, долгие ожидания – как неизбежность. Радостью наполнялась душа от пустого и вовремя пришедшего автобуса. Два-три раза попросила тетюшек перевести меня через дорогу, а потом стала просто-напросто идти рядом с ними – и проблема перехода через улицу отпала сама собой.

У детей в музыкальной школе в то время не было возможности выбора педагога. К кому распределяли, у того и учился. Другое дело, что с кем-то был больший контакт, с кем-то меньший.

Занятия музыкой (и вообще учеба) предполагают особое отношение к учителю. Искренне обожала своего первого педагога по фамилии Ясунас. С ним было довольно комфортно: казалось, мы существовали друг с другом «душа в душу». Было лестно, что я его не раздражала, а всегда радовала, в отличие от некоторых других учеников.

Через год он уехал, и я попала к очень странной учительнице – она мне не нравилась, хотя была красивая, а я красоту обожала с детства. В ней было какое-то ко всему равнодушие. Она ставила низкие оценки, что меня, конечно, как любого маленького человечка, очень расстраивало. Каково же было удивление, когда я увидела в журнале свои оценки – все на балл выше. Мои унылые «4» превратились в «5», и очень много было «5+». Это как-то примирило меня с ней, но от скуки на занятиях так и не избавило.

Поэтому я радовалась, что меня передали новому педагогу. Поначалу она казалась такой невзрачной, но потом – это было просто чудо! Всегда веселая

и доброжелательная, с лучистыми глазами, слегка взлохмаченными волосами, она была чудом доброты и интеллигентности. Мы с подружкой бегали к ней на каждой перемене – так нам нравилось быть рядом с учительницей. Но, увы, и она вскоре уехала.

ВСТРЕЧА С ЛЮБИМЫМ УЧИТЕЛЕМ

К седьмому классу школы, сменив несколько учителей, я умела быстро играть – и все. Не очень много занималась, музыка почти не владела моей душой и мыслями. И вот наконец в моей школьной жизни появилась Венерочка – Венера Максимовна Ибраева! Яркий, талантливый, поэтичный, эмоциональный человек. Она подходила мне абсолютно: и красотой, и живостью – но совсем не восхищалась мной. Только с ней я поняла, что музыка – это что-то до сих пор неведомое для меня, вызывающее неподдельное душевное волнение, а совсем не то, чем я до сих пор занималась. Как она меня мучила – до слез! Никогда не ругала, но делала такие замечания, к которым разве что камень мог остаться равнодушным. Зато сколько незнакомого до того времени счастья я испытывала, когда она начинала внимательно слушать мою игру – не отвлекаясь, не демонстрируя всем своим видом и ей одной известными способами полное равнодушие и скуку по отношению к презренному ученику! Я стала по-настоящему работать, полюбила работу, полюбила занятия и постепенно привыкала к сцене.

Помню, как мы с Венерочкой изучали «Рондо каприччиозо» Мендельсона. Она меня учила медленно сверху опускать палец на клавишу. А для меня это был нонсенс: я так не была научена, всегда быстро опускала палец не с высоты, а прямо и близко к клавише. Тогда мне это новое движение казалось нарочитым, я не знала, что делать с пальцами, которые на некоторое время зависали в воздухе. А педагог терпеливо объясняла, что прежде чем начать играть мелодию, нужно «взять» музыкальное дыхание, рассчитать объем звука, чтобы мелодия развилась на широком пространстве. Я стала постигать законы, благодаря которым открывался бесконечно удивительный мир.

Почти все подробности уроков и все изученные в то время произведения помню. Ноктюрн фа-диез мажор – впервые ощутила чувство полетности в средней части. Вторая часть фа-минорного концерта Шопена – трудно, но так интересно. 32 вариации Бетховена – пока еще не мой стиль, но бездна нового открывалась. Соната Щедрина и «Basso ostinato» – приобщение к современной музыке – так нравилось

В десятом классе. Слева направо: Лариса Кержнер, Шолпан Искендирова, Дана Жумабекова.

эпатировать звуками и динамикой. Итальянский концерт Баха закладывал основы баховской стилистики. Концерт Рахманинова, этюды Скрябина – русский романтизм, легато, выразительность. Было трудно играть из-за нерешенных технических проблем, но появилось столько энтузиазма в игре! Позже я осознала: только через точное образное содержание я могла преодолевать технические трудности, находила способы подняться над ними. Занятия всегда были очень интересными. Я бежала на уроки. Они были совсем иными по количеству и качеству.

УРОКИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Помню первые победы на внутришкольных конкурсах. По окончании школы мне была предоставлена честь выступать на заключительном концерте выпускников с оркестром, и я впервые испытала это восхитительное чувство громадного масштаба музыки! Следующие эпизоды жизни спустили меня на «землю». Приехав в Москву для поступления в консерваторию, я стала понимать, как мне не хватает настоящей подготовки ни по специальности, ни по гармонии, чтобы быть конкурентоспособной с некоторыми «звездными» абитуриентами, которых в тот год было предостаточно... Но самое неприятное и несправедливое было не то, что я не попала в списки поступивших – ведь я трезво стала оценивать свой уровень, а то, что в Московскую консерваторию поступила моя одноклассница из Алма-Аты, «среднячок» даже на уровне нашего города. В то время это стало сильным ударом по самолюбию, и я, возвратившись из Москвы, твердо решила, что буду поступать на экономический факультет в КазГУ. Приехав домой, какое-то время пролежала на софе, отвернувшись к стенке, не желая ни с кем разговаривать, особенно на тему музыки, экзаменов и поступления в консерваторию...

Странный поворот судьбы: папа, который больше всего не хотел, чтобы я получала профессию музыканта, и не мог скрыть радости от моего возвращения, все сделал для того, чтобы я все-таки поступила в Алма-Атинскую консерваторию, мотивируя это тем, что за один день он мою судьбу решить не может, а там видно будет... Через несколько дней, сдав экзамены, я уже забыла о своем намерении поступать на экономический факультет... А через год уже продолжила обучение в Московской консерватории... И об этом – следующие истории...

* * *

Нашла выдержки из журнала, где меня попросили поделиться своими мечтами. Оказывается, желание мечтать сопровождает тебя всю жизнь...

...С шести лет я стала больше ездить на автобусах, потому что музыкальная школа была очень далеко от нашего дома, и всегда старалась занять место напротив кондукторши, чтобы наблюдать за ее действиями. Я получала удовольствие от всего процесса. Мне нравилось, как у нее захлопывалась металлическая застежка сумки, которая была наполнена множеством монет и из которой выглядывали ленты разноцветных билетов. Билетерша набирала полную ладонь копеек и отсчитывала сдачу, и мне казалось, что нет на свете работы более увлекательной и волнующей!

До сих пор смущаюсь, вспоминая, как довольно взрослой девочкой (я уже была в третьем классе) сильно впечатлилась историей о волшебных спичках, которые выполняли любое желание. Однажды втайне от других, взяв коробочку,

попробовала надломить несколько спичинок, чтобы осуществились какие-то сокровенные желания...

А еще я все время мечтала быть художницей. Когда-то в школе я получила в подарок от тети большой рулон белой бумаги и со страстью стала его изрисовывать женскими фигурками в национальных костюмах со специфическими чертами лица. Позднее всерьез увлеклась портретами, которые иногда могла даже нарисовать по памяти... Сегодня от той мечты осталось множество человеческих профилей, которыми были усеяны ежедневные, а иногда и официальные бумаги на рабочем столе.

Помню эпизоды своей юности. Только что поступила в Московскую консерваторию и после экзаменов плавала на Иссык-Куле, выбрав обеденное время, когда не было людей. Я ныряла с головой, наслаждалась свободой водного пространства и мечтала о сказочном будущем, мировой пианистической карьере, о роскошных залах, полных восторженных слушателей... Вдруг из морских пучин выплывает какой-то мужик и, видя, как я самозабвенно плаваю, с удовольствием замечает: «Что, местная, да?» Я быстро поплыла к берегу, столкнувшись с обыденностью и рассыпав вмиг все драгоценные мечты.

Всю жизнь мечтаю о космосе, о межпланетных путешествиях. Самое интересное для меня – литература и фильмы на фантастические темы. Один раз даже приснился сон, как будто инопланетяне пригласили на свою планету. Согласившись, я почувствовала силу, которая начала поднимать меня в воздух... В этот момент меня остановил крик маленького сыночка – реально преодолевая силу подъема, я приземлилась и побежала ему навстречу.

О чем мечтаю сейчас, сидя в поезде по дороге в Лейпциг? Чтоб как можно скорее довели чемодан с концертными платьями, который потерялся в Амстердаме... А иначе как же я сыграю свой сольный концерт в знаменитом Гевандхаусе?

Наверное, мы часто не замечаем, что находимся в мире грез.

Какое счастье быть в Рождество в Европе! Радуетесь за маленьких детей и сам превращаетесь в ребенка, с удивлением и восторгом воспринимающего яркие краски жизни!

МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

У каждого есть моменты в жизни, которые навсегда остаются в самых светлых уголках памяти. Все началось с удачи – встречи с моим дорогим педагогом Львом Николаевичем Власенко. В далеком 1975 году меня направили из Алма-Аты в Москву, в консерваторию, в сопровождении заведующей кафедрой специального фортепиано Е. Б. Коган для участия в отборочном туре на международный конкурс в Лиссабоне. В тот год судьба приготовила для меня чудесный подарок: моя игра понравилась Льву Николаевичу, который председательствовал в жюри. После моего удачного выступления в жюри с подачи Евы Бенедиктовны зашел разговор о том, что я не поступила на первый курс в Москву в прошлом году. Профессор, не долго думая, предложил мне перевестись на второй курс Московской консерватории, согласился принять ученицу в свой класс и даже помогал подготовиться к экзаменам и коллоквиуму.

Помню отчетливо, как начались уроки со Львом Николаевичем, какой напряженной была подготовка к ним; как думала о нем, представляла себе его образ,

чувствовала благодарность за моральную поддержку, так необходимую молодой студентке, испытывающей неуверенность и смущение. Вспоминаю с улыбкой, как Лев Николаевич взлетал на балкон Малого зала, с легкостью перепрыгивая через ступени, а я, к своему стыду, не успевала за ним. Однажды мне, в порыве особого вдохновения, захотелось нарисовать по памяти портрет любимого педагога, и мне удалось передать что-то неуловимое, и даже заслужить одобрение Льва Николаевича.

Все казалось необычным. Величественные коридоры Московской консерватории, студенты и педагоги, которые в большей или меньшей степени ощущали свою исключительность, атмосфера, напоенная священными традициями и богатой историей... Тогда все чувствовали динамизм нового времени: очень активной стала концертная жизнь педагогов Московской консерватории. Они гастролировали по всему миру, совмещая концерты с насыщенной педагогической нагрузкой. Студенты особенно ценили часы и минуты общения с педагогом, потому что знали о его напряженном графике, и старались максимально ответственно подходить к самостоятельным занятиям. У нас всегда было заранее известно расписание, и эти дни мне напоминали встречу солдат с генералом. В класс приходили одновременно все ученики, чтобы воспринимать все замечания профессора в большем объеме, на примере других учеников, обширного репертуара.

На всю жизнь запомнились слова профессора о необходимости выработки ясной артикуляции в исполнении, такого глубокого и протяженного звукоизвлечения, чтобы было слышно в больших залах с многотысячной аудиторией. Это отличительная особенность русской школы пианизма, которая воспитывала концертных исполнителей, настроенных на значительное и масштабное осмысление исполняемых сочинений, на великую миссию музыканта, философа, просветителя.

ПОДАЮЩИЕ НАДЕЖДЫ

Каждый год для поступления в Московскую консерваторию в столице собиралось до сотни «подающих надежды» молодых музыкантов. Как оказалось, половина из них играла в тысячу раз лучше, чем я, а другая половина так же, как я, мучилась. У меня ничего не получалось, нешуточные страдания приносили исполнительские и технологические проблемы. Я совсем мало знала, читала, мало играла. И это стало настоящей драмой.

В первые месяцы учебы было много испуга, подавленности. Конечно, постепенно привыкала. Мир для меня по-детски разделялся на хороших и плохих. В то время почти все подвергалось сомнениям, никогда ни в чем не было уверенности. Но, кажется, глубоко внутри всегда знала, как надо, – только это нужно было самой себе доказывать.

В Московской консерватории на всех занятиях сидели студенты, и урок был общением не только с педагогом, но и с учащимися. А они были самыми беспощадными критиками. Студенты, как ни странно, больше всех понимали проблемы и являли собой самую строгую публику в классе для начинающего.

До сих пор с ужасом вспоминаю моменты, когда подходила к роялю и должна была играть перед учителем. Обоюдная восторженность постепенно отошла. Бедный профессор начинал скучать, а студенты во время моей игры покидали

аудиторию... В таком состоянии вообще ничего невозможно было делать. Любому человеку, чтобы что-то делать, тем более заниматься творчеством, нужна уверенность, определенная моральная обстановка. О каком творчестве можно было говорить, когда у меня переставали шевелиться руки, и не было никакого настроения! Из этой ситуации пришлось выбираться в течение четырех лет.

Со временем студенты вокруг меня, и я вместе со всеми, стали проводить человеко-часы, человеко-недели, человеко-годы, отрабатывая какие-то упражнения, движения на преодоление технических трудностей. Стало «набираться количество». Именно количество, потому что о качестве еще речи не могло идти. Играть было так же трудно, руки по-прежнему уставали. И самое главное – пропадала любовь к музицированию, желание играть музыку, выступать перед публикой, слушателями, которые были у меня в школе, несмотря на многие мои проблемы. Комплексы росли, подталкивая к мысли, что у меня ничего нет – ни технического совершенства, ни творческих озарений.

Конечно, не только мучения первых лет, пока осваивала знаменитую русскую фортепианную школу, остались в моей памяти. Студенческие времена были невероятно увлекательны чтением разнообразной литературы, особенно самиздата, посещением концертов, театров, выставок. Эта духовная пища стала основой для того, чтобы начать совершать хотя бы маленькие открытия в самой себе.

В нашем распоряжении всегда был Большой зал Московской консерватории. Поначалу все концерты казались совершенными, гениальными. Со временем появилась разборчивость, стал развиваться «студенческий» снобизм. Какие-то концерты наших консерваторских педагогов считалось посещать несолидным, ниже своего максималистски «вздернутого» достоинства. Мы «всё» понимали, во «всём» разбирались и были очень критично настроены. На самом деле наши педагоги, конечно же, чрезмерно волновались и не всегда могли предстать в полном сиянии и блеске своего таланта. Скольких из них я слушала потом вне Москвы, и только тогда понимала, как истинно велики они, хотя жили с нами в одно время.

Ну конечно, мы слушали всего Рихтера. Становясь старше, предпочитали Гилельса. Безусловно, признавали «небожителями» Наталью Гутман, Элисо Вирсаладзе, Михаила Плетнева, Геннадия Рождественского, Рудольфа Баршая, Владимира Спивакова, Виктора Третьякова, Мстислава Ростроповича, приезжих иностранцев, правда, не всех, и т. д., и т. п.

Терпение и спокойствие профессора, несмотря на некоторое его разочарование, более успешные для меня занятия в классах Т. А. Алиханова и Е. И. Кузнецовой (по камерному и концертмейстерскому классу), работа с Михаилом Плетневым – ассистентом Л. Н. Власенко, лекции педагогов по истории, теории музыки, фортепианному исполнительству, по философии, педагогике, творческое общение с сокурсниками, по-настоящему яркими и талантливыми, воспитали навыки, которые я не смогла бы получить ни в каком другом учебном заведении.

Процесс становления был жестким, но справедливым, и дал на многие годы вперед запас прочности как в профессии, так и в других жизненных обстоятельствах. Забегая вперед, скажу, что сольный концерт в двух отделениях или концерт с оркестром, однозначно экстремальный характер исполнительской и гастрольной жизни невозможно сравнить с другими видами деятельности, особенно адми-

нистративной и общественной, которыми я занималась более двадцати лет. Все остальное неизмеримо легче, но и скучнее, и этим можно объяснить стремление совмещать противоположности, играть, учить новые программы, вести активную международную концертную деятельность, с упорством ставить «нереальные» художественные задачи.

Ученики класса Льва Николаевича Власенко все годы были членами его семьи. Элла Яковлевна, ее мама, дочери Ирина, Наталья, впоследствии их мужья, близкие родственники – всегда были в курсе всех событий, посещали наши концерты, радовались успехам, поддерживали шутками и добрыми напутствиями.

С годами пришло понимание, что в классе Льва Николаевича было получено все, что составляет основу советской и русской пианистической школы. Если кто-то уже имел до поступления хорошую школу и мог воспринимать творческие рекомендации высокого уровня, то мне пришлось очень напряженно трудиться, приобретать новые технические навыки, исправляя вредные привычки, неточности прикосновения, ритма, штрихов, динамики...

С профессором после классного вечера. Слева направо: И. Шумилина, Ж. Аубакирова, О. Степанов, С. Закарян, И. Шепс, К. Рандалу, Р. Мустафабейли, М. Плетнев

Масштаб личности Льва Николаевича, его высокохудожественная интерпретация, соответствующий выбор авторов и программ, уникальные виртуозные качества – всё вызывало у студентов неподдельное восхищение, стремление подражать и одновременно воспитывало внутреннюю значительность, серьезность, ответственность в мыслях и поступках, в занятиях и во время концертных выступлений. Мы очень гордились тем, что принадлежали к классу Власенко, и временами с некоторым чувством превосходства поглядывали на студентов, которые учились у более молодых и менее авторитетных педагогов.

Вместе с тем в нас проявлялось большое уважение и ощущение определенного пиетета по отношению ко всем коллегам и современникам Власенко, основанные на его личном отношении к ним. Никогда не слышали ни одного некорректного или неделикатного высказывания в чей-либо адрес, осуждения или критики чьих-то действий или мнения. Это также был для нас важный и показательный урок уровня личности нашего профессора и его человеческих качеств. Большими учителями в широком смысле слова для нас стали Л. Н. Наумов, В. К. Мержанов, В. В. Горностаева, Б. М. Давидович, М. В. Мильман, В. А. Натансон, Л. И. Ройзман, Е. В. Малинин, М. С. Воскресенский, Д. А. Башкиров – всех не упомянешь, но зато всю жизнь вспоминаешь с чувством благодарности.

* * *

Некоторые впечатления московской жизни: занятия, экзамены – странным образом повторяются в снах. До сих пор нередко снится, что я должна опять поступать, сдавать экзамены то ли для стажировки, то ли для поступления в аспирантуру Московской консерватории. А самое страшное в Москве – и это также постоянно повторялось в снах – моменты обустройства в общежитии. Почему-то всегда снились окна комнат без штор, в которые светило пронзительно яркое, агрессивное солнце.

Будни студенческой жизни в те годы в основном проходили в подвале общежития – в репетитории. «Бывалые» студенты знали, где условия занятий получше (чистый, без запаха плесени класс и приличный, не слишком старый рояль). Для того чтобы занять эти несколько классов, наиболее фанатичные вставали в четыре-пять часов утра. Чемпионкой по раннему подъему была пианистка Нигора Ахмедова из Узбекистана. Как ни ухитрялся кто-нибудь из участвующих в этой гонке полуночников встать пораньше, она уже сидела на ступеньках перед дверью – хрупкая, с вечными тенями под глазами, грустная Нигора. Впоследствии она стала победительницей конкурса Баха в Лейпциге – одного из сложнейших пианистических конкурсов.

Что касается меня, то я не гнушалась некоторых неблагородных приемов: когда открывалась дверь, я «включала скорость» и бегом достигала нужного мне класса, что вызывало неудовольствие тех, кто был впереди, но не успевал добежать. Трудно сказать, была ли польза от этих занятий. Привычка к регулярному напряжению – да. Но чаще – «непроснувшаяся» голова склонялась на клавиатуру и досыпала положенное. Правда, атмосфера для занятий была идеальной. За стенами слышались пассажи (как казалось, совершенные); все занимались словно в последний раз – активно, напряженно, вдохновенно. Эти звуки подстегивали, вызывали прилив героизма в занятиях. Постепенно выработалась привычка кратковременного сна в течение дня: на лекции – за широкой спиной сокурсника, в автобусе – на пять минут, во время занятий – на клавиатуре, смягченной кистями рук. Часто от усталости засыпала на концертах или на средних спектаклях московских театров.

* * *

...Иногда маршруты моих гастролирующих профессоров проходили через Алма-Ату.

Когда приезжал мой основной педагог, народный артист СССР, профессор Лев Власенко, все проходило очень серьезно и ответственно. Родители покупали

букет цветов и торжественно шли на концерт в филармонию. Для мамы это было очень важно и интересно, а папа был «при исполнении». После концерта они приглашали Льва Николаевича на ужин с обязательным бешбармаком, а если позволяло время, организовывали культурную программу, экскурсии.

Был еще один профессор, у которого я училась искусству камерного ансамбля. Он не был народным артистом и в табели о рангах был «помельче», да и возрастом помоложе. В свой гастрольный приезд в Алма-Ату он совершенно покори папочку следующим. Как обычно, родители встретили Тиграна Алиханова (сына знаменитого физика-ядерщика Абрама Алиханяна, который работал вместе с Курчатовым над созданием атомной бомбы), пригласили домой на обед и вечером собирались посетить его концерт. На что Тигран Абрамович неожиданно заявил: «Какой концерт! Зачем вам это надо? Оставайтесь дома, отдохайте, посмотрите телевизор...» Папа был ошеломлен и обезоружен искренностью и естественностью, которой не ожидал от московского артиста, и как-то очень расположился к нему за это. Много раз я наблюдала, уже в следующие приезды Алиханова, как они с папой вместе выходили на балкон и беседовали на какие-то секретные темы вдали от наших ушей. Позднее Алиханов мне рассказывал: «Мы с Вашим батюшкой разговаривали на многие темы, в том числе и закрытые». Знаю, что у Алиханова был богатый запас историй и умозаключений московской интеллигенции того периода, а если еще учитывать среду, в которой он воспитывался, имея знаменитого отца, то наверняка он был интересным собеседником. Мне не суждено было узнать, о чем они тогда говорили, так же как и о многих других встречах с интересными и необычными людьми. Папа никогда не обсуждал с нами сложные темы, думая, что мы маленькие, или, может быть, оберегая нас от лишней информации...

ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ ПЛЕТНЕВЫМ

Впервые я увидела Мишу, будучи еще ученицей школы имени Куляш Байсеитовой. Нас с Гаухар Мурзабековой, «восходящих звездочек», отправили в Москву для участия в концерте в Центральной музыкальной школе – альма-матер всех музыкальных знаменитостей. Вдруг по коридору разнеслись потрясающие звуки. Набравшись смелости, осторожно заглянула за дверь. Вижу, сидит небольшого роста мальчик – Миша был уже десятиклассник – и так потрясающе играет, что я запомнила его лицо.

Мое следующее впечатление: через два года мы вместе с ним поступали в Московскую консерваторию. Первые студенческие открытия: вот мы идем на занятия по физкультуре, но в основном только для того, чтобы послушать, как Миша играет нам в спортзале музыкальное сопровождение для разминки. Формально делаем какие-то упражнения, а сами слушаем его игру и поражаемся: там такие чудеса происходят – гармонии, контрапункты! Естественно, он импровизировал. Это был аттракцион: к этюду Шопена он добавлял какую-нибудь веселенькую простецкую мелодию, демонстрировал виды и возможности своей техники, редакторские и композиторские возможности.

Однажды на уроке по полифонии нам дали задание – сочинить фугу. Я тогда не знала, насколько это трудно. Более шести часов подряд сидела и сочиняла свою фугу, замучив соседку по комнате своими полифоническими поисками. Но

зато учитель по полифонии сказал: «О, у двоих на курсе есть композиторские способности!» – и он назвал Плетнева и меня. Маленькая гордость студенческих времен...

В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА

Пока училась в Москве, основной задачей было овладеть набором пианистических средств, ну и, конечно, – духовных, культурных, мировоззренческих. Главным было – хорошо сделать то, что говорят учителя. А учителя – гиганты, и выполнять их рекомендации – нелегкая задача. Думаю, в то время я многое делала в пианизме по-настоящему хорошо, несмотря на то, что это был абсолютный слепок с образов различных музыкантов или профессоров. Помню, как в первые годы занятий с Львом Власенко мне от него передался даже легкий грузинский акцент в речи.

Долгое время мне казалось: то, что я делаю самостоятельно, – бледно, неинтересно, скучно. И обязательно нужно слушать советы какого-нибудь большого мастера. Именно то, что он подскажет, и будет убедительно. Чувство убежденности в собственной правоте стало появляться со временем. Конечно, в жизни встречаются индивиды с встроенным знанием на генном уровне. Убеждены с малого возраста – гении. Стремление быть убедительным – в основе профессии, и периодически казалось, что это чувство достигнуто. Но проходило время, и появлялось новое понимание – совсем как вновь открывшейся истины.

И так каждые три-пять лет. Ведь столько всего нужно узнать, оглядеться, посмотреть, прежде чем выработается собственное знание... Хотя интуитивно это знание всегда у меня было: пока это у меня еще не получается, но на самом деле должно быть так! В этом только сама себе признавалась. Не знаю, что за особенность моего характера, но чувство собственного «я» долгое время довольно успешно мною «забивалось». Впрочем, жизнь, что называется, заставила принимать решения и больше себе доверять. Стала убеждать себя: если сделала, значит, так и нужно было, а о провале думать не надо. Начала проявляться собственная интонация. Понимаю, что может быть много замечательных исполнений. Но самое ценное для исполнителя – это выработать собственный голос, трактовку, отношение ко всем составляющим процесса. Появилась убежденность в некоторых психологических моментах. А вот во всех эпизодах, в миллионах фраз, к каждой из которых требовалось свое отношение, – с этим дело обстояло сложнее. Это как целый мир, который нужно было выстроить, внести сильное чувство личной правоты, убежденности.

Путь молодого музыканта – выбираться из хаоса знаний, понятий, представлений, идей и выходить на собственную неизбежно одинокую, трудную, но единственно правильную дорогу. Наверное, это важно не только для музыканта.

* * *

Однажды в Москву с концертами приехал венгерский бас Ласло Польгар и зашел проведать своих соотечественников в общежитие консерватории. В то время я превратилась в абсолютно серьезное, зажатое, нелюдимое, молчаливое существо. В таком состоянии практически не было никакого удовольствия от жизни, никаких приятных моментов, все казалось трудным, мучительным,

скучным. Но был единственный мостик для общения с людьми – это рояль, фортепиано. Моя подруга, флейтистка Мелинда из Будапешта, привела Ласло ко мне – саккомпанировать что-то. Эту встречу я не могу забыть. От звука его голоса – такого глубокого, прекрасного, настоящего – у меня стало все внутри как бы оттаивать. Играя ноты, увиденные впервые (песни Брамса – к счастью, они были не трудными), я, как бы перенеслась совсем в другой мир – волшебный и нереальный. А он, этот божественный музыкант, с удивлением обнаружил какие-то мои музыкальные достоинства и даже предложил подумать о том, чтобы приехать поработать в венгерской опере. Я была бесконечно счастлива. Каждый музыкант наверняка испытывал такое в жизни. Это то, ради чего мирятся с непониманием, страданиями, непредсказуемостью и страхом сцены, отчаянием, так часто охватывающим душу. И наоборот: удачный, успешный концерт дает такое чудесное ощущение силы, власти над собой, открывает неведомые ранее возможности.

* * *

Геннадий Рождественский, великий дирижер современности, – еще одно сильное впечатление учебы в Москве. Его любимый ученик, наш незабвенный Толепберген Абдрашев, попросил меня поучаствовать на его выпускном экзамене со Вторым концертом Рахманинова. Помню, что партию второго фортепиано играли почему-то две женщины-концертмейстеры. Они как-то не очень успешно справлялись с партией, и тогда – о, чудо! – Рождественский сам сел за рояль (известно, что он умелый пианист, но не просто пианист), и рояль зазвучал с такой энергией, с такой силой – как оркестр! У меня, словно по волшебству выросли крылья, и я воспарила над землей вместе с большой доброй птицей среди воздушных потоков прекрасной музыки.

* * *

Одними из редких, но приятных моментов были репетиции с виолончелистом Мишей Кацем. Высокого роста, он носил свою виолончель, как игрушку. Был циником, каких поискать, кружил головы консерваторским девчатам, а ко мне относился как-то иначе. Мы, странным образом, практически не разговаривали как приятели, друзья или обычные знакомые. Он без слов, молча приходил ко мне в репетиций или в комнату, раскрывал ноты – и мы не то чтобы занимались, просто музицировали. Через два-три часа занятий мы так же молча прощались до следующего раза. Так это было прекрасно на самом деле! Тогда я более конкретно стала ощущать и развивать особый музыкальный язык, который был нужен для общения музыкантов в ансамбле.

* * *

Все мы, иногородние, жили в основном в знаменитом общежитии на Малой Грузинской. Времена были поистине демократические, и я решилась, по примеру других обитателей общежития, пригласить своего обожаемого педагога вместе с другими студентами в гости на плов. Сказать, что я большой кулинар, в то время я не могла, но была полна решимости.

В назначенный день попросила соотечественника помочь мне. По его рекомендации подготовила подсоленную воду для варки риса, и вроде бы ничего не

предвещало беды. Но, оказывается, я должна была подготовить кипящую воду, а эту деталь я упустила! Когда бедный Рустем Ермаков узнал, что я налила в готовящееся угощение холодную воду – а это, по его мнению, было недопустимо, – он расстроился и, отчаявшись, сбежал с поля боя. И действительно, рис – главный ингредиент плова – получился чудовищной консистенции, потому что варился неравномерно! Это был полный провал, но Лев Николаевич великодушно старался всячески поддерживать меня. Мы шутили, внешне все казалось благополучным.

К концу трапезы, я, абсолютно расстроенная и уставшая от переживаний, попросила заварить чай кого-то из подружек. Помню первый глоток чая, сделанный Львом Николаевичем. После некоторой паузы он с большой осторожностью и некоторым испугом спросил: «А что, Жания, у вас в Казахстане пьют соленый чай?» Я, ничего не понимая, пробую чай и понимаю – это конец! Подруги заварили чай из чайника с подсоленной водой, оставшейся от плова. Моему отчаянию не было предела! Не помню в своей жизни больше такого сильного расстройства! Уже ничего нельзя было исправить – полное поражение именно тогда, когда мне так хотелось быть на высоте и доставить удовольствие дорогим гостям. Конечно, Лев Николаевич никак не показал разочарования, но я была совершенно разбита неудачей.

ПЕРВЫЕ КОНКУРСЫ И ГАСТРОЛИ

Наступило время готовиться к конкурсам, прослушиваниям, набирать материал для своего ремесла, изучать, например, Первый концерт Чайковского, и мне неожиданно, можно сказать, стало «везти». Миша Плетнев начал выполнять ассистентскую работу у нашего педагога, профессора Льва Власенко. Я частенько к нему обращалась: «Миша, позанимайся со мной». Мне казалось самым интересным – увидеть, услышать, что же он делает в профессии, в работе. И, конечно, это были чудеса!

Миша не был педагогом в привычном для нас смысле слова. Был немногословен, но умел так сформулировать задачу, что решение могло быть применимо ко всем подобным моментам в других произведениях. Множество нестандартных примеров, которые он приводил на занятиях, стали правилами для меня на всю жизнь!

На одном из уроков Миша спросил: «Вот, – говорит, – перед тобой огромная лужа, которую не обойти, не перепрыгнуть. Но в середине этой лужи лежит маленький камешек. Что ты должна сделать, чтобы все-таки перепрыгнуть через эту большую лужу?» И сам же на него отвечает: «Если ты с силой ступишь ногой на этот камень, то окажешься в луже. Если же будешь прыгать, едва касаясь его, как бы лишь наметив свое прикосновение, то получишь ту самую точку опоры, которая необходима, чтобы сделать другой шаг». Это было в случае, когда предстояло исполнить те или иные длинные скачки, пассажи из арпеджио. Или, например, когда-то я не могла начать с трели Восьмой этюд Шопена. В нем трель на целую четверть. Всем известно – с трели начинать трудно. И тогда Миша приводит такой пример: «Ты наблюдала, как приземляется птичка на землю? Представь воробышка, а у него две тоненькие палочки-лапки. Чтобы сесть на землю, он делает лапками вот такое движение (Миша быстро перебирает в воз-

духе пальцами). То есть амортизирует свое приземление на землю. Так же и ты – прежде чем сыграть такую трель, уже в воздухе начни пальцами движения, которые тебе предстоит делать на клавишах. Тогда у тебя получится любая трель». И, действительно, это помогает!

Технические параметры мне казались чисто механическими и основывались на физических законах. Но самое главное – техника не произведет никакого впечатления на слушателей, если не будет встроена в содержание, в конструкцию произведения. Этот постулат, который звучит банально, потому что известен с самого детства всем пианистам, и является, как ни печально, самым сложным для воплощения как в подготовке концертной программы, так и во время исполнения на сцене.

Большинство пианистов сходят с дистанции, признавая борьбу с инструментом безрезультатным занятием, удовольствие и успех от игры на сцене – недосягаемой мечтой...

Это было на четвертом курсе, когда я впервые, как мне кажется, испытала настоящий успех.

В Московской консерватории в течение некоторого времени я занималась с профессором по классу камерного ансамбля Марком Владимировичем Мильманом; мы работали над программой к Всесоюзному конкурсу пианистов. Вообще-то его занятия я всерьез не воспринимала, потому что он был слишком добрым и восторженным. Восторгался потому, что посчитал меня поначалу скромной, «серенькой» студенткой-пианисткой, а сделав нескольких замечаний, удивился, что я начала играть, как он говорил, по-настоящему. При этом любил повторять: «Откуда у хлопца испанская кровь?» Все его замечания мне казались преувеличенными, несерьезными, но я их выполняла, чтобы не обидеть «старенького» профессора. А про себя думала: это все не то, вот будет строгая комиссия – и у меня опять ничего не получится.

Прослушивание должно было проходить в Малом зале консерватории. В то время моего педагога в Москве не было, и слушать меня в комиссию вместо него пришел Михаил Плетнев. А Марк Владимирович находился в зале. Мне предстояло играть сложную программу, и я впервые для себя твердо решила: «Дай-ка забуду про всех, и буду играть только для доброго профессора, который поверил в меня и специально пришел послушать». Играла с учетом его замечаний, просьб, с преувеличениями и как бы понарошку. Когда закончила и вышла, меня встретили бурные поздравления. Публика была чужая, суровая, без особого расположения, чрезмерно критичная. Не смущаясь моего присутствия, говорили: «Откуда что берется!» А про старого педагога кто-то сказал: «Мильман сидел и слезы вытирал». После этого поняла – именно так, «понарошку», со всеми преувеличениями и надо играть.

В ЛАБИРИНТАХ ПРОФЕССИИ

...В какой-то момент в период учебы в консерватории пришло наконец понимание, как важно сидеть прямо и устойчиво. К тому времени мои многолетние потуги играть чисто, без технических помарок стали давать какие-то заметные результаты. И вот прямая посадка дала и видимый прогресс, и неизвестное до

сих пор чувство комфорта за роялем. Конечно, чтобы научиться играть с прямой спиной, пришлось дома заставлять себя сидеть прямо во время игры и уже ни о чем другом не думать, кроме прямой спины и опущенных плеч (бич начинающих – при любом малейшем напряжении поднимать плечи «до потолка», точнее, до «ушей»). Намного позже, когда привычка сидеть прямо и устойчиво уже укоренилась, вдруг обнаружилось (особенно в наблюдениях на видео), что из-за такой правильной посадки заметны ограничения воздействия игры в эмоциональном плане. Нужно было выработать разумную меру – это тоже требовало времени и опыта...

Что действительно полезно, это играть в очень медленном темпе, чтобы выработать точный ритм. Например, играешь группу из четырех ровных нот и обязательно третью-четвертую чуть ускоришь, так же как в трех нотах – обязательно сократишь продолжительность третьей, последней. Это, видимо, особенность нашего слуха, внимания. Когда играешь длинные ноты с фермой, или целые, протяженные, никогда не будет точного ритма, если не просчитать все внутри более мелкими длительностями. Вообще считается, что ритм – он либо есть от природы, либо его нет. На самом деле он прекрасно развивается, так же, как и внимание, – здесь нет никаких чудес.

Конечно, любое искусство, и фортепианное в том числе, – это аналитический процесс как сознательной, так и подсознательной деятельности (конечно, в рамках возможного). Никогда не забуду, как вдруг, именно вдруг, заиграла студентка Гаухар Султанова, которую я наблюдала в течение нескольких лет; очень милая, добрая, деликатная девочка с хорошими ручками, но по развитию, уровню осознанности еще ребенок. Услышав ее через некоторое время, поразились – откуда такая метаморфоза! Я смотрела на нее, как на чудо природы. У меня мороз по коже пробежал от ее игры. Задаю себе вопросы: как это возможно? Откуда такая глубина? Выяснилось, что она полюбила процесс обдумывания произведения, больше думала, чем механически играла; что-то для себя поняла и проявила это так неожиданно и мощно в исполнении.

Сколько сложных «блоков», невыполнимых движений, мучительных проблем я преодолела, потому что получила от Михаила Плетнева правильное понимание природы технических трудностей. Мне также важно было наблюдать за его руками: одно дело слышать, но, как профессионалу, необходимо было и видеть. Для игры на фортепиано, казалось бы, нужны длинные, большие, пластичные пальцы. У Миши ладонь узкая, кисть небольшая – руки, не самые удобные для пианиста. Но он совершал такие чудеса, что порой глазам не верилось, что его руки способны такое сыграть. Он управлял своей божественной головой, своим гениальным умом так, что неудобные руки ему подчинялись абсолютно идеально.

Конечно, не для всех подходила Мишина система, и, наверно, она не универсальна, но мне она очень подошла по какой-то общности мыслительных и двигательных процессов. Все, что Миша говорил, мне было понятно и приносило результат. Нравилось еще и то, что его не захлестывали эмоции, что он не накручивал чего-то, не застревал в мелочах. Он, как пророк, – вещал. И каждое его слово отправлялось прямо в душу или сердце – это было настоящее счастье! Что бы он ни играл, это всегда было выше наших представлений о том, как должно

быть. В глазах сокурсников он являл собой мощный и незабываемый авторитет. Уже на ранних стадиях учебы было понятно, что среди нас растет значительная личность. У нас на курсе и Андрей Гаврилов учился, и Этери Анджапаридзе, и Борис Петров, Наталья Трулль и другие. Эти замечательные пианисты сейчас находятся в когорте исполнителей международного уровня. В принципе, мы знаем, как у кого сложилась карьера, но Миша – суперзвезда мирового масштаба. Так оно было, так оно есть и сейчас.

До сих пор спорят о пианистической фигуре Миши Плетнева. Многие говорят, что он недостаточно эмоционален, временами холоден, рассудочен. А для меня все, что он делает, – бесспорно, безусловно, идеально. Уважение и восхищение масштабом его личности осталось со мной навсегда. Я была еще девочкой, но понимала: в нем все настоящее, не временное, не такое, что может раз – и поменяться из-за изменения конъюнктуры или взглядов общества. Миша традиционен, консервативен в хорошем смысле слова. Вижу, что он стал мощным, чрезвычайно популярным, крупным деятелем не только пианизма. Он организовал Российский национальный оркестр, поднял его на свой музыкантский уровень. Бывало, отходил временами то от оркестра, то от исполнительства. Я знаю, как суэта административной деятельности бывает мучительна, доводя до отчаяния даже самых могучих людей!

Миша был очень теплым по отношению ко мне, как будто смягчался, когда видел меня, мою реакцию. Кажется, что он ценил меня за успехи в освоении фортепиано. Я благодарна судьбе за то, что много лет, проведенных в Москве, он жил и учился рядом, давал мне практические уроки-советы. Пиетет перед Мишей, перед его природными способностями помогал движению к вершинам мастерства. Вместе с ним я стала понимать, что способна на то, на другое, на третье. Он и в самом деле образец, идеал, который существует в моей профессии; все, чем он занимается, ни разу не разочаровало меня. Я и теперь смотрю на Мишу, как смотрит простой смертный на небожителя.

«ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ТЫ В ПРИНЦИПЕ МОГЛА ИГРАТЬ»

Было время, когда конкурсы мне казались чем-то очень значительным, а стремление к победе очень важным, главным. Перед моим первым международным конкурсом меня познакомили с московским педагогом-пианисткой Ириной Георгиевной Турусовой. Эта встреча многое перевернула во мне: стало понятно, какая это мелкая цель – конкурс, когда впереди такие открытия в искусстве фортепианной игры. «Какая разница, как ты сыграешь на конкурсе, главное, чтобы ты вообще умела играть, главное, что ты можешь хорошо играть», – вспоминала я основную мысль ее наставлений перед конкурсом. Мне действительно хотелось, чтобы этот конкурс скорее прошел, чтобы опять вернуться к занятиям и общению с Ириной Георгиевной. Я получила столько фортепианных навыков, которых мне, закончившей полный курс Московской консерватории, все-таки не хватало, чтобы добиваться нужного звучания, штрихов, протяженности фразы, ощущения формы!.. Во множестве рекомендаций моим ученикам и на мастер-классах лежат принципы, усвоенные на уроках Ирины Георгиевны.

Будучи уже гастролирующей пианисткой, много лет старалась перед зарубежными концертами приехать на несколько дней в Москву, чтобы показать

программу, получить заслуженную порцию критики, пообщаться с Ириной Георгиевной, расширить горизонты представлений обо всем, ценя масштаб ее богатой природы! Я с восторгом смотрела на ее руки во время игры, которые у нас были в чем-то схожи, с удовольствием любовалась ее крупной фигурой, ее манерой разговаривать, водить машину, общаться со своим супругом, крупным ученым-канцерологом и чудесным человеком! Всем они мне нравились: каждый был самодостаточной личностью, увлеченной своим делом; несколько лет они прожили в Париже (из-за работы Владимира Станиславовича), и поэтому были в те далекие годы абсолютно интернациональными персонами без типовых «советских» штампов, с невероятно уважительным отношением друг к другу, с большим чувством юмора и самоиронии! Это знакомство переросло в настоящую дружбу с семьей, с их детьми, друзьями – интересными личностями, со встречами в течение многих лет на их уютной кухне или на репетициях в классах школы имени Мясковского, среди маленьких деточек, озабоченных мамочек, дежурных по школе... Через много лет руководитель школы – гениальная Мариетта Таджатовна Чалدرانян подняла ее статус, и школа преобразовалась в Училище высшего исполнительского мастерства имени Шопена. Очень много пианистов – педагогов Московской консерватории стали преподавать здесь, совмещая с работой в консерватории и готовя студентов училища для продолжения учебы в своей альма-матер!

КОНКУРС ЛОНГ-ТИБО. 1983 Г.

Международный конкурс пианистов имени Маргерит Лонг и Жака Тибо – пианистки и скрипача, двух выдающихся французских исполнителей, педагогов, деятелей культуры. Этот конкурс был организован ими в далеком 1943-м, и с тех пор проводится каждые два года, чередуя музыкальные состязания скрипачей и пианистов. Интересный факт, подчеркивающий объективность и высокую репутацию членов жюри за эти годы: француз впервые стал победителем среди пианистов, получивший Гран-при, только через 50 лет после основания конкурса. Пианисты-победители представляли множество стран, но долгие годы именно музыкантам из Франции не удавалось добраться до вершины...

А у меня до парижского конкурса было несколько отборочных прослушиваний на разные конкурсы, в которых участвовала более или менее успешно, но до финала дойти не получилось. А перед парижским конкурсом решила «заточиться». Мама тогда даже попыталась меня остановить: «Все, хватит! Хватит нервов, хватит бесполезных сражений за эти конкурсы. Ты что, хочешь быть самой лучшей в мире? Ты понимаешь, что это нереально?!» Но я постаралась ее убедить: «Ну, мама, ну, пожалуйста, в последний раз. Если не пройду, тогда уж точно ни к чему не буду готовиться».

Подготовка к международным музыкальным конкурсам сродни подготовке спортсменов к международным соревнованиям. В моем случае надо было договариваться с администрацией Дворца имени Ленина (ныне – Дворец Республики), чтобы позаниматься на хорошем рояле. В стране нормальных роялей почти не было, а там стоял новенький «Bechstein», и мне разрешали на нем заниматься с шести до девяти утра. Ночами играла в зале филармонии, днем там было занято. Я приходила туда в девять вечера и сидела до двух-трех и даже до пяти утра. Ино-

гда засыпала на какое-то время прямо у рояля, а потом снова играла. Это были, можно сказать, героические усилия. Лето, жара, все отдыхают, расслаблены, а я занимаюсь.

Программы на разных конкурсах отличаются и по качеству, и по количеству; крупные конкурсы составляют свои требования из очень сложных, разнообразных по жанрам, стилю, форме, виртуозным характеристикам произведения. Если обобщать, то требуется исполнение в несколько туров программы, включающей сочинения различных композиторов XVIII–XX веков продолжительностью в три-четыре часа чистого времени!

Мне нужно было добиться идентичности того, что слышу внутри, и того, что воспроизвожу на инструменте, то есть мои внутренние ощущения должны были совпасть с внешним звучанием. Хорошо, думала я, педагоги мне об этом ничего не говорят, может быть, я сама к себе слишком придираюсь, но все-таки должна же я вынести на поверхность то, что ясно мне, чтобы это услышали и другие. Постоянно записывалась на магнитофон и проверяла, проверяла, проверяла, чтобы достичь единства внутреннего и внешнего.

Париж меня спас! Этот конкурс стал итогом напряженной работы, по крайней мере последних пяти-семи лет. Не могу сказать, что 11 лет учебы в школе проводила время без пользы. Однако годы учебы в Москве были наиболее мучительными, трудными, но и самыми интересными, продуктивными.

* * *

Волнующая история, которая часто воспроизводится сознанием и всегда вызывает учащенное сердцебиение – мой третий тур на конкурсе Лонг-Тибо. Сыграла уже два тура и очень была довольна собой, потому что удалось справиться с неизбежным волнением – его было процентов на сорок меньше, чем обычно. Выхожу на третий тур уже в другой зал (прежний, SACEM, – это аналог союза композиторов и музыкальных деятелей, – не очень нравился по акустике) – знаменитый зал театра на Елисейских полях. Здесь в свое время блистала Анна Павлова и многие французские и мировые звезды. На мне красивое дымчато-голубое платье, которое даже вызвало вздох восторга у выдавшей вида парижской публики, тем более, что такого наряда они не ожидали от советской пианистки.

Предстояла сольная программа на час – наиболее сложная часть конкурса. Ставлю в начало программы (очень самонадеянно!) произведение современного французского композитора Жака Кастереда, которое было обязательным на конкурсе и должно было быть выслано участникам для разучивания за месяц до события. «Блистательная» работа почты тех лет – до Казахстана ноты дошли как раз за неделю до конкурса. Мне удалось все-таки его быстро выучить, и на последнем прослушивании перед отъездом в Москве потихоньку посмеивалась над другими (тремя) участниками конкурса – раньше меня получили ноты, а выучить не смогли, играли с запинками.

Так вот... На третьем туре конкурса уверенно начинаю часовую сольную программу с этой пьесы, как самой для меня простой. Произведение (посвящение джазовому пианисту Телемониусу Монку) технически сложное, но однообразное, в основном аккордовая техника на скорость и выносливость. Играю, и вдруг появляется странная мысль, что на следующей странице начну забывать текст (обычно произведения соло музыканты играют наизусть, без нот). С ужасом

жду этого момента, и на самом деле начинаю запутываться в тексте. Скорость большая, думать некогда, ужас охватывает все мое нутро, заполняемое вкусом адреналина (такое ощущение, что за тобой тигр гонится и вот-вот схватит!). При этом продолжаю что-то невероятное играть. В мозгу судорожно проносится: тоже мне, защищать честь Союза вышла – позор! Это тебе наказание за иронию по отношению к соперникам. Но одно ясно: мне нельзя опускать руки – тогда конец всему. Вцепилась в клавиатуру мертвой хваткой. Что-то похожее на Кастереда играю, непонятно как – никогда не отличалась композиторскими или импровизаторскими способностями. Бедный автор сидит в зале и слушает. В общем, произведение рассчитано на пять минут, а я уже все восемь-девять играю, совершенно обессилела. Такого ужаса я не испытывала никогда! Мое счастье, что я выступала первой среди шести участников третьего тура. Публика еще не слышала это сочинение и особенно не вникала в него, как во всякое современное, неизвестное. Наконец Бог сжалился надо мной и прояснил мои мозги: вспомнив последнюю страницу и, сделав эффектную паузу, перешла к концовке, которую исполнила с блеском, закончив эту «ужасную» пьесу.

Были средние аплодисменты. Я сидела, тяжело дыша после перенесенного кошмара. Внезапно наступило успокоение и просветление: мне неожиданно так легко и прозрачно заигралось, что вся остальная, более трудная часть программы показалась совсем простой после недавнего «жесточкого сражения». А была сложнейшая Первая соната Пьера Булеза, Четвертая баллада Шопена, «Вариации на тему Паганини» Брамса, «Лодка в океане» Равеля. Игралось так вдохновенно, как на самом лучшем концерте, а не на конкурсе. Пропало напряжение – «сожглось» на первом произведении.

Французы орали и даже «рычали» после моей сольной программы. Подбежал член жюри от СССР Виктор Ересько, обнимал меня, хлопывая по плечу, хохотал и рассказывал, как жюри реагировало на мое исполнение. Поскольку произведение Кастереда обязательно для всех, у членов жюри были ноты. И вдруг все они стали листать их – то вперед, то назад, пытаясь найти исполняемый мною текст. А потом поняли, что я забыла текст и сочиняю на ходу, закрыли ноты и стали наблюдать, как я из этого выпутаюсь. И все, как концертирующие пианисты, понимали, что я попала в ту ситуацию, в которой каждый из них хоть раз в жизни мог оказаться, и с интересом наблюдали за моим «сражением». Мне в итоге были добавлены баллы за композиторские способности. Благородное жюри оказалось!

ЗА КУЛИСАМИ ГАСТРОЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Однажды во время гастрольной поездки по прибалтийским республикам (это было еще до победы на конкурсе) мы переезжали с симфоническим оркестром Казахской ССР до следующего города и концертного зала практически в течение целого дня. И было очень холодно, а еще меня укачало в дороге. Ко всему прочему, от холода воспалился зуб, распухла щека – адская боль. Я от этой боли не то что играть, сидеть не могла. За пятнадцать минут до концерта, не разыгравшись, устав от долгой дороги и многочасовой боли, я заснула. Естественно, вскоре меня разбудили. Предстояло играть концерт совершенно обессиленной. Но неожиданно появилась какая-то внутренняя энергия, был какой-то посыл из зала, что ли, хотя слушатели пришли на незнакомую пианистку. (Мы всегда

знали, что прибалтийские республики – это особый регион, подготовленная публика, красивейшие залы, шикарные инструменты.) Был очень приятный, закругленный по форме зал и публика, которая пришла слушать музыку. Мне так не хотелось обмануть ее ожиданий, разочаровать. И был такой удачный концерт! После его окончания дирижер Тимур Мынбаев сказал: «Вы сегодня просто необыкновенно хорошо играли!» Вот это и есть какое-то таинство, чудо нашего дела.

После победы на конкурсе меня взяли в штат Гос- и Союзконцерта, стали появляться какие-то гастрольные поездки. Концерты за рубежом считались главной наградой и подарком судьбы. Два-три раза в год я ездила за границу как победитель международных конкурсов. По Казахстану и по Союзу было 24 концерта в год. То, что происходило с такими выступлениями в те времена, было настоящей катастрофой! В редчайших случаях были нормальные концерты. Чаще всего все было на бумаге: «Ну, галочку поставим, что вы отыграли, отдыхайте». Хорошо, если все-таки что-то проводилось. Не редкостью была и такая ситуация: приезжаешь, а там ни инструмента, ни зала, ни публики. Какие-то концерты проходили для десяти-пятнадцати человек – вспоминать не хочется. Находящейся в начале своей артистической карьеры, мне приходилось с горечью констатировать – моя работа никому не нужна. Конечно, было известно, что какие-то артисты имеют настоящие концерты, но я понимала – это не для меня...

Один из первых гастрольных маршрутов после конкурса был Уфа – Тюмень – Курган. После первого же города я решила свернуть с маршрута. Потому что, во-первых, было очень холодно: декабрь, мороз 40 градусов, а во-вторых, на вопрос, почему инструмент не настроен, администратор Уфимской филармонии вдруг «взбесился» и начал кричать: «Да вас, пианистов, как нерезаных собак!» И это было чистой правдой. В те годы по Союзу гастролировали сотни, если не тысячи «горемык» – пианистов, скрипачей, виолончелистов, певцов, да еще с концертмейстерами. Они выполняли план Союз-, Рос-, Укр-, Казах- и т. п. концертов, многочисленных филармоний... На выступления этих «музыкантов-кочевников» никто не ходил, а если и приходили, то максимум человек двадцать-тридцать. Это были либо старенькие бабулечки, либо какие-то дядечки, или совсем маленькие деточки. Вся публика была очень странной – совсем не готовой к таким концертам, либо равнодушной, совсем случайной. И ты сам себя начинал ощущать совершенно лишним: зачем, для чего и кого ты едешь в такую даль, на государственные деньги, травмируя свою душу?! Слава богу, это время для меня быстро закончилось. Только с грустью я думаю о тысячах хороших музыкантов, которые занимались такой работой большую часть своей творческой жизни.

Были и свои яркие впечатления в этом кратковременном, насыщенном поездками по Союзу периоде жизни. Никогда не забудется женское общежитие какого-то комбината то ли в Мурманске, то ли в Архангельске. Привозят меня туда; в читальном уголке стоит старенькое пианино, то ли «Лира», то ли «Весна», а главное – девчата в халатах и тапочках спустились на концерт с верхних этажей. В начале гастрольной жизни я очень расстраивалась и не могла играть в таких

ситуациях. Бедные слушатели в конце концерта расходились, одновременно жалея меня и себя. А в тот раз от безысходности я решилась на эксперимент. Закрывает глаза и представила себе роскошный зал где-нибудь в Европе, волшебный рояль и заиграла свои «штучки» – сложнейший Десятый опус этюдов Шопена. «Бедные девочки» сразу включились в эту игру, потому что она им как-то передалась. Мы вместе создали новую реальность, сказку, в которую все захотели поверить. Сколько восторгов после концерта мы друг другу выражали!

Помню абсолютно триумфальный концерт 1988 года в Братиславе с чешским оркестром в красивейшем старинном зале Словацкой филармонии. Любимый всем миром Второй фортепианный концерт Рахманинова, прекрасный оркестр, восторженная публика, телевидение, роскошный прием после концерта. На следующий день мне предстоит лететь в Союз и продолжить сольные концерты на Украине. В аэропорту в Duty free кассир и стоящие в очереди люди узнают меня после вчерашней телевизионной трансляции... И какой контраст! Приезжаю на Украину, не помню, в какой город, но зато хорошо помню свое сильнейшее разочарование: никто не встретил, а когда каким-то образом через несколько часов дозвонилась до встречающих, то оказалось, что у них сломалась машина, а предупредить меня возможности не было, и т. д., и т. п. А концерт? Вообще ничего не помню: либо стерся из памяти, либо... его не было...

Зато совершенно замечательно где-то в начале 90-х прошел концерт в зале Одесской филармонии – старом, но с «традициями»! Неожиданно пришло много пианистов, педагогов, было теплое и настоящее общение с коллегами, повстречалась со своей школьной учительницей (она к этому времени работала заведующей кафедрой Одесской консерватории).

Вообще, наша профессия развивает восторженность, которая вырастает наверное, из пережитых контрастов. Видишь что-то невероятное, делаешь что-то невозможное в неммыслимых условиях – и вдруг получается результат, неожиданный, удивительный. Остается только «охать» и «ахать»! А еще отсюда, видно, пошла присказка: на хорошем рояле любой дурак сыграет, а ты на плохом сумеи!

До того как закончилось советское время, я успела посетить около ста городов Советского Союза и Казахстана.

В далеком 1982 году меня включили в состав делегации артистов Казахстана на поездку в Северную Корею... Впервые я увидела такую суперроскошь театров, концертных залов, библиотек, музеев, метро и...нищету, серость, убогость, которая проглядывала через окна в домах простых людей. Но сами корейцы! Какие они были милые, добрые, наивные!

Потрясающие дети! В первый же день пребывания, очень рано (в шесть утра), нашу делегацию встречали вместе со взрослыми маленькие дети, которых выстроили в шеренги по пятьдесят–шестьдесят человек. Они были очень легко одеты и явно мерзли, но их губки и щечки были подкрашены красной или розовой помадой. Зачем?! Такое особое внимание к гостям?! Мы бросились их обнимать, милые ангельским видом колонны; сочувствовали им, обреченным маршировать морозным ранним утром... Вечером были приглашены на новогодний детский концерт, на котором присутствовал Ким Ир Сен. За час до концерта был выстроен хор и оркестр (весь концерт был сыгран детьми без нот). Молоденькие музыканты были подобраны по росту и целый час до концерта стояли не ше-

лохнувшись, ожидая появления Великого руководителя. Представляю, с какой жестокостью их воспитывали, сколько страха было в их душе... А когда они запели и заиграли, мы все испытали шок: такой чистоты, слаженности, качества техники нам не приходилось слышать до сих пор – райское впечатление, что-то невообразимое из области чуда!

Были приглашены посетить национальную оперу в театре «Мансуде». Когда я оглядываюсь теперь с высоты времени на те дни, вспоминая многие десятилетия поездок по миру и море ярких и разнообразных впечатлений, мне до сих пор кажется, что такой красоты интерьеров, декораций, костюмов я больше никогда не встречала... Либо это было первая зарубежная поездка, и она оставила неизгладимый след в памяти... Правда, тематика была однообразно-специфическая: все про председателя, великого вождя Ким Ир Сена и его замечательного сына Ким Чен Ира.

На одном из моих концертов случилось следующее. Мне предстояло выступать в белом концертном платье с бордовым поясом и бордовой национальной вышивкой, которое казалось мне верхом совершенства. Во время репетиции я заметила за кулисами белый рояль, стоявший на постаменте метровой высоты. И, конечно, в своем белом платье мне захотелось играть именно на этом белом рояле. Настояла, чтобы его спустили для меня, хотя прекрасно знала, каких усилий это будет стоить рабочим сцены.

И вот мой номер. Выхожу, заранее предвкушая успех (а как же иначе – вся в белом!), и сажусь играть «Грезы любви» Листа. Все очень романтично. Через некоторое время начинает происходить что-то странное с клавиатурой. Впечатление такое, что она то поднимается, то опускается, переходит в подвижное состояние, по ней как будто «пробегают» волны. Рукам становится все труднее и труднее играть. Наконец я понимаю, что от правой руки клавиатура отодвинулась так далеко, что уже трудно дотягиваться до клавиш. Я поняла, что рояль пришел в движение своим правым крылом. Пришлось судорожно соображать во время игры, дожидаться паузы и пересесть так, чтобы находиться все-таки параллельно клавиатуре. В таком невероятном положении, почти спиной к зрителям, мне и пришлось заканчивать свое выступление.

Что же произошло? Рабочие забыли закрепить большой металлический обруч под корпусом рояля, который позволял с легкостью его передвигать в незафиксированном состоянии. Когда я стала играть правой рукой, в которой обычно мелодия, а значит, и более интенсивное и выразительное нажатие, рояль пришел в движение – он был легким, как простая тележка на колесиках. Потом об этом случае целый год вспоминали со смехом свидетели – члены казахской делегации, сидевшие в зале. Вот после таких историй вырабатывается смиренность, набожность, суеверность.

Одни из первых гастролей в Японию в далеком 1985 году. Концерты были организованы Госконцертом, могущественной и грозной организацией, которая вершила в те времена судьбы молодых музыкантов, только вступающих на международный артистический путь. Надо ли пояснять, что пианистов, скрипачей, виолончелистов, певцов – лауреатов международных конкурсов в те годы было более чем достаточно. Все они были достойны самых лучших залов, оркестров, настоящего профессионального успеха.

Советские исполнители покоряли мир как неукротимая армия. Многие из них стали принимать предложения на работу, решались на эмиграцию, которая увеличивалась с каждым годом... Это не могло не беспокоить функционеров, но поток уже было не остановить. Вот, например, небольшой факт из жизни Станислава Бунина, выигравшего Гран-при на конкурсе в Париже. Кроме немалого денежного приза он получил в качестве ангажементов целую серию концертов в течение двух лет в городах Франции. Но, будучи политически «неблагонадежным» с точки зрения «начальства», был просто не выпущен из страны на эти концерты. Удостоенная на этом конкурсе второго Гран-при, я также имела предложения на концерты во Франции и с удовольствием сыграла в течение двух-трех лет абсолютно роскошные и незабываемые концерты в Париже, Лионе, Марселе, Гренобле, Тулоне, Тулузе, Экс-ан-Провансе. Только через несколько лет, листая буклет конкурса, поняла, что это были концерты, которые предназначались для обладателя первого Гран-при... Вот так идеология, политика вторгалась в творчество и судьбу. Позже Бунин эмигрировал из страны, а я, представляющая собой образец «торжества ленинской национальной политики», продолжала выступать от имени Госконцерта СССР!

К чему такое большое вступление к истории с японскими гастролями? К тому, что Госконцерт был абсолютным монополистом в организации зарубежных гастролей, и поэтому чиновники от музыки не особенно церемонились с артистами. Часто происходили накладки, недоразумения, казусы; но главная причина заключалась в природе плановой экономики, когда забота о личности музыканта, о качестве исполнения, о творческом процессе были на периферии сознания функционеров; истинный смысл их деятельности был совсем в другой плоскости... Организаторы фестиваля, в котором были представлены от Советского Союза экспонаты из Эрмитажа с участием и под руководством М. Пиотровского и пианистка из Казахстана, забыли предупредить меня об изменении в программе выступлений. Вдруг за два дня до начала гастролей сообщают, что надо будет исполнять не Второй концерт Рахманинова, а Первый Чайковского. Как?! У меня тогда еще не было в репертуаре всех трех частей концерта, а первую часть я играла последний раз четыре года назад! Выхода не было: я не могла подводить могучую страну и начала героически учить вторую и третью части, судорожно вспоминать первую; в целом сорок – сорок пять минут чистой музыки. Вспоминая подобные моменты, понимаешь, что в творческой профессии случаются такие ситуации, когда проверяются твоя отвага, решимость, способность превзойти пределы своих возможностей, почти всегда – вера в поддержку высших сил. Это не только ремесло, но и, главным образом, проявление характера, воли, некоторого авантюризма! На всю жизнь запомнила, чего мне стоило выступить с абсолютно сырым, не «обыгранным» концертом на гастролях с наивысшим уровнем ответственности, в том числе и с телевизионной трансляцией! Я готовилась к выступлению только два-три дня. Из той поездки у меня не осталось никаких других впечатлений: я концентрировалась на этой музыке каждую минуту, не расставалась с нотами ни во время полета, ни во время переездов, встреч, переговоров! В результате сыграла впервые знаменитый концерт Чайковского не на экзамене, не в процессе учебы, как обычно бывает, а сразу с роскошным японским оркестром, под телевизионными софитами, ощущая свой выход на сцену как путь на Голгофу!

Глава 2 ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

ДОМИНАНТА ВЫБОРА

В Алма-Ате после возвращения из Москвы все казалось замедленным и скучным. Любовь к профессии, к фортепиано давала некоторую уверенность в том, что все равно буду стремиться к тем вершинам искусства, которые сформировались в моем представлении.

А тем временем общественная жизнь бурно развивалась во всех направлениях. Это было время проявления инициативы, когда активные люди начали что-либо предпринимать. Мысль об открытии музыкального колледжа (впоследствии – авторской школы) возникла у меня задолго до 1994 года – со времени обретения Казахстаном независимости и вхождения страны в рыночную экономику.

В конце 90-х годов стало понятно, что нужно искать для себя новую форму существования, что не смогу без рояля, без концертов, иначе просто начну превращаться в какое-нибудь «чудовище», перестану ощущать смысл жизни. Это было время, когда я работала над развитием школы, когда меня уже назначили ректором консерватории. Работала на пределе душевных и интеллектуальных сил, а настоящего удовлетворения не было. Я готова была выкладываться на любой работе сколько угодно, но обязательно должна была играть. Игра на фортепиано для меня была абсолютно необходимой, и это стало не только духовной ценностью, но и жизненной потребностью.

Ничего невозможного нет... С колледжем на первых этапах было, естественно, много сомнений: смогу ли, хватит ли сил, где взять финансы, как привлечь к работе лучших педагогов, как найти единомышленников.

Много размышляла о своей профессии, об изменениях, которые необходимы, о том, что требуется делать на данном этапе жизни. Если раньше за нас все решали, то теперь стали возникать вопросы: а что мы можем сделать? Что я, как человек, как профессионал, теперь должна делать?

Вначале была идея создать какой-нибудь фонд поддержки искусства, молодых талантов. Мы много дискутировали об этом с Гаухар Мурзабековой. Решили, что обязательно нужно что-то делать, создавать самостоятельно, по своим принципам. Это на самом деле было увлекательно: никогда об этом не думали, и вдруг появилась возможность порассуждать.

Встретились с Архимедом Исаковым, который в то время уже работал в частном образовании и был очень популярен как педагог-новатор. Все его идеи казались и до сих пор мне представляются такими интересными, необычными, свежими! Ясно, что мои мысли были на уровне самых общих рассуждений, ведь я никогда не была специалистом в школьном образовании. Мне понравилась его идея создания частной школы. Мы решили, что если такая школа будет создана, он будет отвечать за общее образование, а я, соответственно, за музыкальное. В то время еще было рано задаваться вопросами учебных планов, самого процесса обучения; нужно было решить в первую очередь, где будет размещаться эта школа, какой будет материальная база.

Стали мы с Архимедом ходить по городу и смотреть здания. Где только мы не побывали: городские дома творчества, какие-то общеобразовательные и музыкальные школы, дома культуры – все находилось в довольно унылом состоянии. Люди, встречавшие нас, иногда спрашивали: «А для чего вам? Что вы хотите посмотреть?» Мы отвечали: «Просто» или: «Нас из акимата прислали». Вспоминаю эти вояжи с улыбкой, потому что, наверняка, мы производили впечатление сомнительных искателей приключений, а сами ощущали некоторое чувство опасности. Архимед, маленького роста, ходил рядом со мной и что-то интенсивно соображал. Он, очевидно, больше меня понимал, что нам необходимо, а мне было интересно слушать, что он говорит.

Одним из последних наших адресов была 46-я школа. К этому времени мы уже поговорили в ГУНО (Государственное управление народного образования) о своей идее – о негосударственных организациях образования и в целом получили моральную поддержку. В ГУНО нас направили в 46-ю школу, с предположением, что администрация может заинтересоваться и выделить для нас часть помещений. Но когда мы там побывали, поняли, что это совсем не то, чего бы нам хотелось.

После возвращения из Парижа

Напротив 46-й находилась музыкальная школа имени С. Прокофьева – довольно новое, красивое, оригинальное здание. Увидела его, и мне подумалось: эх, вот это идеально подходит для частной школы.

Судя по всему, ко мне власти всегда хорошо относились, как раньше, так и сейчас. Мои инициативы тогда правильно понимали, и была большая поддержка Президента. Ведь в первое время независимости Казахстана с ним согласовывалось абсолютно все. В моем случае он сказал: «Почему нет? Да! Пусть делает!»

Из-за того что не хватило времени подумать и фантазии придумать, новую школу назвали «Колледж Жанин Аубакировой», хотя это название до сих пор

воспринимаю с трудом. Надо было быстро все решать и начинать учебный год. И это было самое простое, что придумали. Позднее пришло понимание, что такое смелое название школы (в настоящее время «Авторская школа Ж. Аубакировой») – это проявление персональной ответственности: раз указали свое имя, значит, будем отвечать по всем обязательствам, не подведем.

Но хочу вернуться к вопросу о здании. В конце концов, когда с ним все решилось, началось самое сложное. Чтобы создать необходимую материальную базу для учебного процесса, нужно было преодолеть немыслимое. Любая позиция – дефицит, все нужно было доставать самыми невозможными способами. В то время у меня в связи со школой стало появляться огромное количество небывалых потребностей, новых знакомств – мне открывался совершенно новый мир. Нужны были деньги – их могли дать только спонсоры. Но тогда я не производила на спонсоров никакого впечатления: настолько к этому не была готова, что все делала ровно наоборот. У меня не было никакой уверенности, определенности – только общие слова и мысли, которые, наверное, к этому времени уже все научились произносить.

Потенциальные спонсоры не могли понять, почему они должны мне помогать. Необходимы были веские аргументы, точное обоснование, четкая мотивация, которых у меня не могло быть в начале пути. Прошли годы, прежде чем появился опыт, как и о чем разговаривать с людьми, как научиться убеждать.

МАМА С ПАПОЙ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БОЙТЕСЬ!

Это было невероятно трудно. Каждый раз, вспоминая об этапе создания колледжа, я как бы заново переживаю ужас. Это были дни, ночи, недели очень большого напряжения, препятствий, которые нужно быстро и правильно преодолевать. Это был настоящий фронт с «рукопашными боями», «стрельбой из гранатометов», «танковыми наступлениями»...

Но когда все решилось, все постановления были подписаны, завершились какие-то важные организационные этапы, возникла ситуация, которая чуть не выбила меня из седла. Музыкальная школа, в здании которой решено было вести совместный с нею образовательный процесс, вдруг начала со мной тяжбы. Приходили с петициями, говорили, что это бесчеловечный шаг: вы популярная, знаменитая музыкантша, но что собираетесь здесь делать и почему на этой территории? Я понимала, что это естественная борьба за свое место работы, за свои интересы. Были даже митинги с телевидением, с корреспондентами.

Помню свою реакцию на первую слегка негативную публикацию в прессе. До этого были только восторженные заметки в советской печати: «Победила! Гордость!», а тут вдруг: «Мы надеемся, что она не начнет свой первый урок в школе с урока беззакония!» Мои родители, близкие и друзья страшно испугались. До сих пор сохранилось ощущение внутреннего жара от ужаса, который ощущаешь, словно в душе что-то безвозвратно сгорает. Конечно, вопрос жизни и смерти не стоял, но все-таки возникла серьезная дилемма: «Смогу это перенести или не смогу?»

В жизни, что бы ни приходилось делать, стало естественным задаваться вопросом: правильно ли поступаю с моральной, общечеловеческой точки зрения? По своему воспитанию я бы никогда не смогла переступить моральные границы.

В те дни мама с папой мне сказали: «Ой, доченька, мы этого не переживем, если сейчас тебя будут критиковать! Что ты делаешь?» Они искренне испугались, потому что в то время на любую публикацию в газете реагировали очень серьезно: считалось, что раз напечатано, значит, все чистая правда.

У меня с родителями всегда были честные, доверительные отношения, поэтому на их вопрос я ответила так: «Мама с папой, пожалуйста, не бойтесь, что я плохого сделала? Это школа для детей. Я хочу сделать ее современной, с новыми идеями. Общество меняется, и, естественно, спрос и потребности меняются, появляются новые оригинальные проекты, организации – ничего страшного в этом нет!» Большую помощь в те дни мне оказала моя семья, мои друзья, их моральная поддержка. Впоследствии, когда все успокоилось, стало ясно, что создание такой школы было на пользу всем, не противоречило духу и устремлениям музыкальной школы, стало выгодно для педагогов, всего коллектива.

Ведь все, что касается воплощения идеи, сразу не происходит. Должен пройти естественный путь: идея кристаллизовалась, обрела определенные очертания, стала развиваться. А в итоге получился результат, может быть, несколько неожиданный, но, тем не менее, очень важный.

Я ПОМНЮ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТОГО ГОДА...

Больше всего меня угнетали хозяйственные сложности. Для начала учебного года с самого первого дня требовались оборудованные классы, кабинеты физики, химии и т. п. Кроме того, необходимо было организовать питание, автобусы и еще множество вещей – то есть все и сразу, что связано с жизнедеятельностью огромного школьного организма.

У меня были специальные блокноты, в которых каждый день записывалось по двадцать сложнейших заданий. Сколько писем нужно было написать в разные инстанции, сколько звонков сделать, сколько визитов! Я, можно сказать, каждый день того года помню. Шел пятый день работы колледжа, и вдруг вижу – стоит у подъезда «Скорая помощь». То ли кто-то из детей ногу подвернул, то ли поранился. Снова возникла мысль: «Ой, все! Это надо закрывать, потому что такое теперь каждый день будет происходить!» Но, слава богу, ничего страшного в дальнейшем не случилось!

Все, что происходило в первые дни, недели, месяцы, в первый год, вызывало у меня острую реакцию, казалось непреодолимо сложным. И сегодня много чего происходит, но реакция теперь более спокойная: вот этого не должно быть – и мы исправляем. Самые общие понятия, правила, закономерности уже систематизировались, был запущен механизм, в процессе работы которого решались прежние проблемы, появлялись новые задачи, а что-то продолжается постоянно. Конечно, последние десять-пятнадцать лет (сегодня школе уже 24 года) – это период стабилизации, в котором есть и планирование, и свои традиции, достижения – и осознание того, что учебное заведение нового типа состоялось.

Как мы выбирали в колледж преподавателей? В первую очередь, работала интуиция. Ведь как общаешься с друзьями, знакомыми? Разговариваешь с ними. Но этого мало. Иногда человек может замечательно говорить, а глаза, как «зеркало души», совсем другое показывают.

Мне, как человеку из культурной сферы, естественно было обращать внимание на человеческую красоту, доброту, на то, что есть прекрасного в том или другом человеке. Эти понятия в широком смысле использую во всех ситуациях, когда мне нужно делать выбор. Конечно, очень важно быть красивым не только внешне – должно быть обаяние, приятные манеры, глубина в глазах, свет в душе. Кто-то приходит, и сразу по глазам видишь, хочешь ли с ним работать или нет.

Больше всего я сопротивляюсь грубости, потому что в нашем обществе это часто встречается – подмена активности грубостью. Грубые люди под флагом напористости, умения убеждать могут иногда производить хорошее впечатление. Но чуть-чуть больше меры – и все: грубость начинает задевать сложные, а значит, хрупкие стороны человеческой души. Поэтому часто предпочитаю чувствительных, деликатных людей, которые мне всегда более интересны.

Жизнь требует от нас большей энергии и активности. Но я очень чувствительна и не терплю нахальства, гонора, лицемерия. Глядя на мои проявления и реакцию, учителя школы также стараются избавляться от привычных штампов в поведении. И у наших детей этого нет. Вначале, когда они приходили в школу, даже ходили как-то по-особенному; им хотелось себя показать, и это, скорее всего, была защитная реакция – они проявляли агрессию, демонстрировали силу. Позднее, постепенно убеждаясь в том, что нет никакой надобности в этом, начинали вести себя по-человечески.

Думаю, что люди могут приспособливаться. У нас в школе именно так и происходит, потому что мы придаем этому очень большое значение. Мы не хотим, чтобы желаемое выдавалось за действительное, хотим, чтобы в наших рядах все было по-честному. Мы не скрываем недостатков, ценим достижения, знаем, на что мы нацелены в перспективе, и чего не будем делать точно, потому что это будет противоречить нашему магистральному направлению!

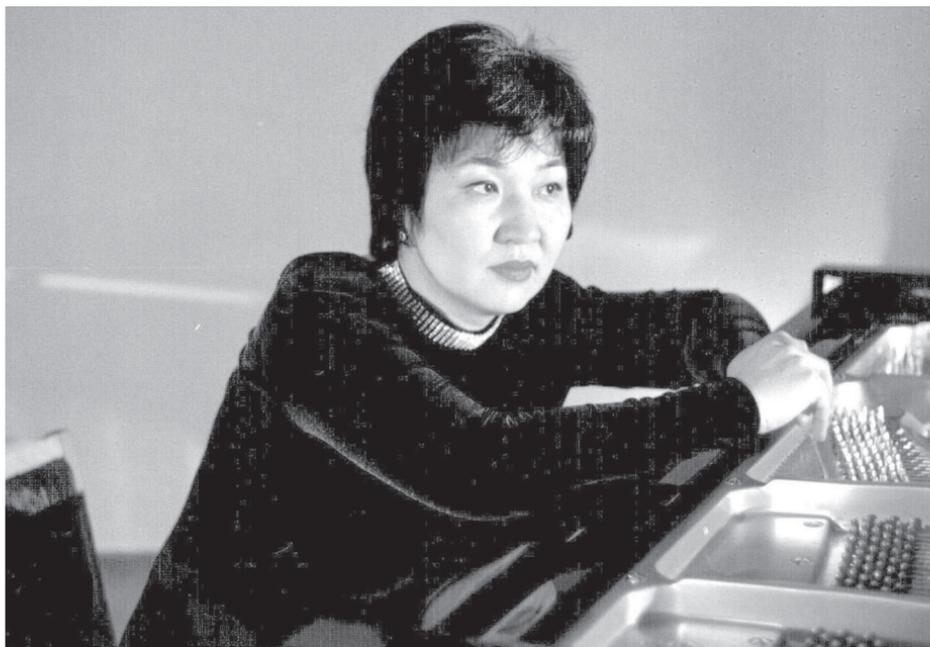
В первые годы независимости отважно училась искусству обращения к спонсорам. Помню следующий эпизод. Приглашена в Павлодарскую область на празднование Наурыза в составе солидной делегации из депутатов, знаменитостей, деятелей культуры и т. д. Подхожу к космонавту Тохтару Аубакирову и прошу его познакомить меня с Даниалом Кенжетаевичем Ахметовым, чтобы я смогла обратиться к нему с просьбой о спонсорстве на проект съемок фильма о нашем сотрудничестве с Маратом Бисенгалиевым и совместном концерте с Английским камерным оркестром. При этом выясняется, что в таком случае Т. Аубакиров уже не сможет обратиться к акиму с аналогичной просьбой о спонсорстве. Какое благородство проявил тогда наш первый космонавт! Действительно, Тохтар Онгарбаевич подводит меня к акиму, чтобы представить и озвучить проблему. Даниал Кенжетаевич благосклонно согласился, и вот наступил момент встречи.

Я, в свойственной мне манере, начинаю рассказывать о проекте со всеми подробностями, деталями. Даниал Кенжетаевич просит меня сократить повествование с вопросом: «Сколько требуется?» – «Я так не могу, Даниал Кенжетаевич! Мне надо, чтобы Вы знали, на что мы намереваемся использовать средства». – «Короче, Жания!» И так уважительно и доброжелательно разговаривает, что я, осмелев от теплого отношения, разом задумала решить все вопросы по проекту и, вместо десяти тысяч, как планировала, попросила необходимые тридцать

«Ну, – выдохнул с облегчением Даниал Кенжетаевич, – а я думал, Вы сто тысяч будете просить!»

Вот так, при мощной поддержке авторитетного руководителя региона, который убедил российскую компанию оказать спонсорскую помощь музыкантам, наш проект реализовался. Фильмы, которые были сняты режиссером Ермеком Шинарбаевым, руководившим солидной международной съемочной группой, при содействии Телерадиокомплекса Президента РК, открыли дорогу широкому признанию Марата Бисенгалиева на родине.

РУКОВОДСТВО И ТВОРЧЕСТВО

О карьере ректора вообще никогда не думала. Мне казалось, что это так скучно, так неинтересно. Но раз меня назначили, должна была начать активные действия – не могла быть безразличной к положению музыкального образования в республике. К тому же в консерватории работали и мои учителя, с которыми я никогда не утрачивала связь, и многие мои коллеги – их интересы были связаны не столько со всем миром, как это было в то время у меня, сколько с нашей республикой.

Все лето 1997 года работала, вникала в различные процессы, которые до этого были мне неизвестны... Весь коллектив с надеждой ждал обещанного нового здания, готовился к переезду, поскольку старое было в таком плачевном состоянии, что мы серьезно опасались, как бы его потолок не рухнул на бедные головы студентов и преподавателей. Решали судьбу музыкальной мастерской, инструментов, библиотеки и т. д. Зимой в Большом концертном зале и аудиториях был адский холод. Студенты мерзли на репетициях оркестра и гарантированно заболели, но других помещений у нас просто не было... Много было и других препятствий и неудобств: да всего, что предстояло сделать, сейчас и не вспомнишь и не перечислишь.

Прежде всего, нужно было любыми путями получить от государства новое здание. Сколько же кабинетов было пройдено! Иногда по несколько томительных часов просиживала в приемных, ожидая, когда меня смогут принять. Обещаний было получено в разы больше, чем реальной помощи. Однако всегда была уверенность, что своего добьюсь, чего бы это ни стоило!

Долго пришлось доказывать нашим чиновникам, что такой вуз, как консерватория, должен относиться к высшей категории учебных заведений. Я хотела «достучаться» и доказать бюрократам, что наши преподаватели – люди особенные. Большинство из них, впитав любовь к серьезной музыке с молодых ногтей, вне этой сферы не представляют своей жизни. Они будут терпеть лишения в материальном плане, но «адаптироваться к рыночным отношениям», то есть изменить своему делу не смогут... Сколько их, не сумевших приспособиться, молодыми ушло из жизни!

Годы ректорства дали мне очень много жизненного материала для личностного роста, но более всего – умения излагать свои мысли как вслух, так и на бумаге. Вначале это были совсем неумелые попытки. Я умудрилась написать в первый год 1400 писем в различные инстанции – можно представить мое отчаяние и попытки решить накопившиеся проблемы! Помню реплику министра Крымбека Кушербаева: «Ты что, думаешь, что твое дело писать, а наше дело выполнять все твои просьбы?» По правде говоря, я так и думала, и до сих пор иногда продолжаю... Но тем не менее энтузиазм того времени, поддержка министров и нарождающегося класса спонсоров стали катализаторами какой-то невиданной доселе энергии: стало возможно делать первые и заметные шаги, получить существенные по тем временам результаты, выполнять работу, с которой раньше не встречался и понятия о ней не имел! На какой-то встрече с учеными Крымбек Кушербаев с юмором заметил моему папе: «Вы свою дочку пианисткой воспитывали, а мы ее как строителя используем...» Героическое, жертвенное время мы переживали!

У ВАС ТУТ «ГОРОД СОЛНЦА»!

К 2000 году наши педагоги всерьез почувствовали личную ответственность не только за своих индивидуальных студентов, но и за учеников и студентов среднего звена, которые пробивали гранит музыкальной «науки» на просторах всего Казахстана. Никогда такого не было, чтобы уважаемые и респектабельные педагоги вместо законного отдыха в летний период стали работать с приглашенными в Алматы детками, которым к тому же необходимо было обеспечить проживание, питание и оплату транспорта из регионов.

В последний момент, когда взволнованные дети уже приготовились к поездке, предвкушая счастливые встречи со знаменитыми профессорами, выяснилось, что один из основных спонсоров проекта в последний момент отказался от своих обязательств, и мы потеряли запланированные гостиницы для размещения учеников. Деваться было некуда, и мне пришлось обратиться к педагогам: «Пожалуйста, мои дорогие! Давайте расселим детей по Вашим домам, квартирам. Ведь мы не можем их отправить назад! Представляете, какие впечатления от общения с Вами останутся у них на всю жизнь! Вы сможете не только профессионально, но и с большей общекультурной силой воздействовать на молодые души!»

Помню сдержанную реакцию приглашенных педагогов (оставшаяся часть была приглашена на следующий день). Не забуду реплику нашего профессора А. А. Акбарова, когда я попросила его не говорить о содержании нашего разговора другим преподавателям, чтобы они не раздумали приходить на встречу. Он воскликнул, не сдержавшись: «Какая Вы наивная, Жания Яхияевна!»

Что было делать! Наши замечательные педагоги согласились с моим предложением. Правда, большинство не смогли разместить гостей в своих квартирах и решили оплатить проживание и питание приехавших в Алматы детей. Программа прошла успешно, дети благополучно разъехались по домам, педагоги стали готовиться к новому учебному году, – и вдруг появился новый спонсор, который вник в ситуацию и смог перечислить средства, затраченные на пребывание детей. Тогда я с удовольствием возвратила потраченные средства педагогам, которые они восприняли как неожиданную премию, удовлетворенные своими осознанными и благородными действиями.

А наши зарубежные партнеры, которым я рассказывала эту историю, сильно изумлялись и подчеркивали, что у них такого быть не может, что такое даже трудно себе представить!

* * *

2003 год. Наступил какой-то особенный период в жизни, когда я поняла, что могу материализовывать мечты. Из этого исходило то, что не надо бояться сообщать о своих планах заранее. Более того, можно говорить о них как о случившихся задолго до того, как они будут происходить! Так было неоднократно, когда мысль о чем-то интересном, желаемом появлялась в голове как мечта и очень скоро по времени осуществлялась в реальности.

Помню очередное выступление в Москве в Колонном зале Дома Союзов с Третьим концертом Рахманинова. Все прошло хорошо, замечательный оркестр, прекрасный дирижер Ренат Салаватов. Среди слушателей – знаменитый педагог Шалва Амонашвили, который передал мне глубокое и восторженное письмо слушателя... После концерта еду по набережной Москвы-реки и вижу новое здание Московского международного Дома музыки. Такое красивое издалека, современное, как бы парящее в воздухе и переливающееся всеми гранями... «Вот бы там поиграть!» – подумала я мечтательно... и через полгода уже играла в Доме музыки с Российским национальным оркестром и дирижером А. Сладковским два фортепианных концерта! Что за техника материализации? Я знаю, что одной мечты недостаточно. Важно, что мечта так увлекает, что начинаешь предпринимать какие-то усилия, действия, становишься как бы одержимым своей уже не мечтой, а идеей! Встречаешься с людьми, находишь единомышленников, которые помогают с финансированием. В конце концов, все привело к тому, что в течение нескольких лет я сотрудничала с этим потрясающим оркестром – а об этом я даже и мечтать не могла!

Аналогичный случай произошел с очередным визитом в Южную Корею, куда меня периодически приглашали на проведение мастер-классов, концертов в различные университеты. После небольшого перерыва в поездках я вдруг вспомнила про любимую страну, замечательных коллег, их чудесных студентов, потрясающую корейскую кухню, и в очередном интервью о творческих планах взяла и сказала без всякого основания на то, что осенью мне предстоит поездка

в Южную Корею. Кажется, уже сознательно применяла свою технологию. Материализация произошла практически мгновенно, потому что на следующий день мне позвонили из Сеула с приглашением! И таких примеров было множество, что мне дало основание считать себя волшебницей – без ложных иллюзий, потому что во многих случаях все подтверждалось фактами, конкретными проектами.

И еще я что поняла, и это тоже из серии волшебства: если делаешь какую-то очень важную и нужную работу, особенно полезную для общества, с большим напряжением сил, и когда они уже совсем на исходе, обязательно в самый последний момент придет очень большая поддержка, не важно с какой стороны, как будто бы сверху, от неба, от высших сил... много раз так было.

Как-то перед ученым советом попался мне анекдот в газете «Литер» о Васе, которого спросили про гармонию в семейной жизни: «Как Вы добились этой самой гармонии?» «Как-как, – отвечал Василий, – бил, бил и добился». Так мне стало смешно, захотелось рассказать этот анекдот перед началом совета, чтобы поднять настроение коллег перед нужной, но зачастую не самой вдохновенной работой. С хорошим настроением захожу в зал и пересказываю эту короткую историю. Только вот реакция членов Ученого совета – скорее настороженная, чем веселая – была неожиданной для меня. Не стала особенно заострять на этом внимания, хотя, однозначно, не поняла, в чем причина.

Вечером вспомнила об Ученом совете и поделилась своими впечатлениями с Галымом, рассказав историю с анекдотом. Он сильно смеялся и объяснил мне популярно: «Жаня, неужели ты не понимаешь, что от тебя, как от руководителя, слышат больше смысла, чем ты вкладываешь? Как они должны реагировать на слова “Бил, бил и добился”? Конечно, они восприняли это почти буквально, связывая напрямую с твоими руководящими функциями. А кто-то наверняка восприняли эту фразу как угрозу...»

ТРУДНО, НО ИНТЕРЕСНО

Проходили годы, полные самого напряженного труда. Весь коллектив погрузился в «пучину» реформирования, так же, как и все образовательные учреждения страны. Одни обновленные стандарты образования, не успев внедриться, сменялись следующими... Вводились по требованию времени и министерских программ новые дисциплины. С каждым годом усложнялась учебная отчетность. Частота командировок в Астану увеличилась в разы: в течение месяца приходилось летать по нескольку раз! Каждый год предстояли «сражения» за бюджет, и для этого нужно было посещать министерства образования, культуры, финансов, Парламент, депутатов, готовить многочисленные обоснования, пояснительные записки!

За несколько лет почти полностью был обновлен парк музыкальных инструментов, а это означало освоение абсолютно новой реальности – посещение зарубежных музыкальных фабрик, переговоры с владельцами, менеджерами, заключение контрактов, ведение международных торговых операций... Как все это происходило при полном отсутствии опыта?!

Но... задачи ставились, пути решения находились. Самая первая покупка – 10 роялей немецкой фирмы «Grotrian Steinweg» – состоялась, и я ожидала первую

партию из четырех концертных роялей (каждый весом более полутонны!) на самолете авиакомпании тех лет «Air Kazakhstan». Вглядывалась в небо и молила, чтобы природные катаклизмы обошли стороной этот рейс, чтобы эти гигантские рояли благополучно прилетели в консерваторию – настолько это было невероятным событием, всколыхнувшим всю душу переживаниями...

А сейсмоусиление основного корпуса, в котором проходила основная жизнь консерватории, ее полувековая история?! Не забуду пустые проемы окон корпуса выходящие на Абылай-хана. Временами казалось, что они могут так и остаться разрушенными и недостроенными – настолько кардинальным было вмешательство строителей! Мне так страшно было от этой ответственности – будучи концертирующей пианисткой, обучалась совсем другим навыкам, и никогда не встречалась с такой работой...

С высоты своего сегодняшнего опыта утверждаю – это была интересная жизнь! И неизвестно, чем я была более полезна: только ли как пианистка или тем, что делаю по своим обязанностям для культуры в целом. Слишком много я вложила и многого достигла во всех этих областях, чтобы можно было легко бросить. Ведь человек бросает то, что ему явно не удастся: несколько лет делал, делал, напрягался, но ничего явно не получилось. Если бы у меня не было успехов, я бы бросила. А так – словно девочка в погоне за наградами. Успех – это награда. Я и там хочу успеть, и здесь. Мне нравится слышать: «Как вы все успеваете?» А я отвечаю: «Да ничего я не успеваю!» Но на самом деле вижу, что и одно удалось, и другое. Главное, что у меня не было страха перед ошибками. Всегда ожидала, чтобы мне сказали: «Вот это неправильно, вот это надо иначе делать». Искала и продолжаю искать таких людей, которые способны воспринимать новое, которые и мне сообщат что-нибудь нестандартное, интересное.

ТАК УЖ СЛОЖИЛОСЬ...

Нередко приходится слышать: ты обязан, они обязаны. Никто никому ничем не обязан. Все зависит от самого человека, от его природы. Некоторые замечательные музыканты ведут широкую общественную жизнь: помогают молодому поколению, организуют всевозможные фонды, участвуют в административных делах, нередко занимаются политикой. Думаю, что это зависит от способностей человека: кому-то недостаточно проявления себя только как специалиста в одной области. Как правило, к такому активному человеку люди чаще обращаются со своими проблемами и надеются на помощь.

Однако много и таких творческих людей, которые говорят: «Нет, это не для меня!» Я их понимаю. Если они так говорят, значит, не чувствуют в себе силы или потребности заниматься еще и другим делом. Кто-то хорош в одном, работая долго и углубленно, кто-то хорош сразу во многом – нет одного правила.

Большинство музыкантов обычно не склонны отходить от предопределенной им свыше судьбы. Вместе с тем, они не живут в «башне из слоновой кости» или в хрустальном дворце. Музыканты, особенно в наше время, в Казахстане или в той же России, да и во всем мире, вынуждены чем-то дополнительно заниматься – невозможно существовать без опаски остаться без профессиональной среды, без элементарного заработка.

Конечно, хотелось бы жить только жизнью пианистки. Но вынуждена была постоянно из этой жизни “выпрыгивать”, а потом снова в нее “запрыгивать”, как в трамвай, на ходу. Иногда чувствовала себя как начальник штаба, который должен за все отвечать, мгновенно принимать решения. На все очень остро реагировала, старалась не быть равнодушной, безразличной.

Никто меня не заставлял браться за множество дел – в основном, сама решала, что мне делать, а чего делать не стоит. Нередко жаловалась, что мне трудно что все это мешает, отвлекает от творчества. Очень часто после трудового дня садилась за рояль сама или занималась со студентами – и в это время ничего не могла, и не хотела, и, кроме отвращения, ничего не чувствовала!

Но если административная работа делалась не ради администрирования, а ради каких-то идеальных побуждений, которые тебя толкали к активной жизни в обществе? Мне, на самом деле, мало того, как я воздействую через рояль; я хочу влиять на общество и через слова, убеждение разных людей, через свою работу по воспитанию молодого поколения.

Ректорство, конечно, сильно отвлекало от творчества, концертной деятельности. Но моя игра изменялась, становилась глубже, масштабнее. Я верила, что постоянное напряжение в работе помогало обогащаться личности и исполнительству.

С другой стороны, сегодня ощущаю и более широкую востребованность обществом. Это самое ценное. Много незнакомых людей говорят, что я замечательно выступаю, разговариваю с ними. Им нравится, о чем пишу в своих статьях, интервью. На многочисленных встречах, которые теперь происходят довольно часто, люди смотрят на меня с уважением. Это – сильная моральная поддержка. Нескрываемое чувство восторга и любви в их глазах говорит о том, что я правильно поступаю, и меня многие правильно воспринимают.

Думаю, надо уметь адекватно оценивать положение любого руководителя, особенно в современном мире. Основная масса населения точно не представляет, какой это уровень напряжения, ответственности, стресса и непредсказуемости. Многие не выдерживают, не желают ввязываться в борьбу за идеалы или, ощущая неизбежную рутину, не хотят жертвовать собой...

Вообще, повезло мне работать в период нарастающего подъема экономики в стране! Консерватория смогла последовательно, в течение нескольких лет поднять свое материально-техническое состояние на новый уровень потребностей. Мы перешли от периода, когда коллектив уже отменял свои необходимые запросы как несбыточные, к периоду, когда все желаемое стали требовать, как должное... Сложно вспомнить и рассказать обо всех поразительных встречах, решениях, поддержке от Правительства, спонсоров, но чувство благодарности за внимание, особое отношение, уважение – это навсегда. Я никогда не принимала помощь, добро, поддержку, внимание как нечто само собой разумеющееся. Не устаю восхищаться добрыми делами, тем, что люди способны на такое!

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОГО ЗАЛА

При встречах с зарубежными или казахстанскими гостями, которые посещали нашу консерваторию с концертами или для участия в различных мероприятиях, мне нравилось рассказывать историю Большого концертного зала тем, кто интересовался: как я сама «выбивала» финансирование, сама «участвовала» в проекти-

ровании, «строила», «бетонировала», «белила», «красила», переносила старинный орган с одного постамент на другой, с одной сцены на другую... Почему так говорила? Потому что очень сильно за все переживала! Я никогда не занималась ничем подобным у себя дома и чувствовала гиперответственность именно из-за отсутствия какого-либо опыта. Помню, как приглашала руководителей известных строительных компаний для участия в тендере, – но никто не соглашался, видя, какой ответственный объект и какое недостаточное финансирование.

Это была целая эпопея! Когда уже при содействии Премьера И. Тасмагамбетова решился вопрос о строительстве концертного зала на месте прежнего, передо мной встала задача – как добиться хорошей акустики в новом зале? Всем известно, что вопросы акустики зала зависят от серьезных профессиональных расчетов, на которые у нас как бы не обращают внимания (из моего опыта наблюдения за строительством новых культурно-зрелищных заведений в стране). Акустики для живого звука в большинстве современных залов не бывает. Все рассчитывают только на силу микрофонов – требования к звучанию упростились до самого нижнего предела! Наша ситуация усложнялась наличием в зале органа, который необходимо было демонтировать, причем демонтировать в условиях, когда изначально в его конструкции демонтаж предусмотрен не был. Такие инструменты стоят веками, как и храмы, в которых они располагались, и переносить орган – гигантское сооружение – на другое место технически невообразимая задача...

Снова и снова приглашала на встречи казахстанского архитектора Шухрада Юсупова, чтобы обсуждать проект нашего зала, в котором непременно должна была быть отличная, а не просто хорошая акустика! Все остальные детали не имели существенного значения еще и потому, что было выделено очень мало средств, и рассчитывать на какие-то особенные интерьеры и изыски в проектировании не приходилось. В какой-то момент, узнав, что работа над проектом близка к завершению, потребовала письменных расчетов по акустике, гарантирующих результат. Архитектор добросовестно сделал такие расчеты. Но парадокс ситуации был в том, что мне, конечно, можно было представить такие расчеты, но я не способна была их оценить в принципе. И только надеялась на волю Всевышнего – так для меня было важно построить зал с профессиональной акустикой...

Не сразу решился вопрос с переносом органа на новую сцену. Поскольку орган было невозможно разобрать и складировать, приняли решение построить стену по периметру сцены, сохранить крышу, чтобы орган продолжал функционировать, а студенты-органисты занимались, пока строятся новая сцена и зрительный зал. Проект концертного зала, таким образом, состоял из трех самостоятельных блоков, и, кроме основного фундамента здания, был построен специальный фундамент для органа. После того как сцена и зрительный зал были готовы, приступили к переносу действующего органа на новую сцену. Еще надо бы рассказать, как искали в то время фирму-производителя органа (Schuke), которая в далеком 60-м году устанавливала этот орган – первый в стране, в прежнем зале консерватории. В 2003 году стало проблемой их найти, они не отвечали на наши запросы, и мы вынуждены были договориться с компанией из Омска, имевшей опыт работы с таким грандиозным инструментом. Конечно волновались, понимали, что сильно рискуем... И, о чудо – в канун нового 2004 года получили поздравительную открытку от Шуке, хозяина той знаменитой фирмы!

Вообще, с этой стройкой все время происходили чудеса. Смета, которую нам представили за свою работу омичи, была в два раза меньше предложенной немцами. Мне удалось уговорить немцев работать за имеющийся бюджет; я чувствовала, что они согласятся, потому что для них собственноручно построенный инструмент как родное дитя... В день, когда закончили перенос органа, и наш Габит Несипбаев (главный органист страны) не без волнения начал тестировать звучание, вся стройка, все мы, кто знал о проблемной ситуации, замерли от счастья, потому что орган зазвучал еще лучше, чем прежде!

Особенно трудоемким оказалось сооружение стен зрительного зала. Я сама видела, как строители заливали бетон вручную, без использования конструкций с обычными бетонными блоками. Таким образом, создавалась акустика зала, подобная существующей в европейских храмах, с плотными каменными стенами, строящимися столетиями...

После завершения первоначального срока окончания стройки (кто был связан со строительством, знают, что оно в принципе сразу не заканчивается – строители еще три-четыре года завершали разные «доделки») мы устроили концерт-благодарность для архитекторов, проектировщиков, строителей, понимая, что они справились с уникальной задачей в экстремально короткие сроки – с объектом, представляющим особую культурную ценность. Во время концерта представили один из «спичей» главному инженеру. Он поведал нам свой сон накануне проверки звучания органа: «Собрались мы все, приготовились слушать... а он не звучит, органист нажимает на клавиши, а звука нет!! Я проснулся в холодном поту, как от полнейшего кошмара!» Так трогательно было услышать такое признание от строителя, представителя земной, грубоватой, без особых тонких переживаний профессии! С тех пор я всем рассказываю о том, как был построен этот зал, как все причастные относились к нему, как к «волшебному» объекту, как строители-узбеки качали от восторга головами, когда впервые в своей жизни слышали эти небесные звуки, которым помогали воплотиться полтора года собственными руками...

СТОЛИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Первое время хождение по «начальству» и общение в кабинетах было для меня подобно катастрофе: я безумно боялась этого, меня всю трясло. Заходила в приемную и лишалась дара речи. Потому что знала: сейчас меня будет унижать секретарша, и я, конечно же, не попаду к нужному мне чиновнику. Это было таким ударом по моей психике: «Как же они могут так ко мне относиться?» А потом поняла: да они ко всем так относятся – им без разницы. Постепенно все стало меняться. Пришло понимание, что у больших начальников всегда мало времени, поэтому нужно говорить о своем деле лаконично. Научилась обращаться только с крупными, важными проблемами, чувствовать, о чем можно спрашивать, а о чем – без толку. Кроме того, мне стало интересно общаться с людьми неформально: я всегда старалась убедить человека в своих идеях, затронуть его душу... Вполне естественно, что на все, чего бы мне хотелось, у государства не было средств – слишком много не менее важных проектов ждали государственной поддержки. Поэтому я должна была находить самые убедительные аргументы, акцентировать

важность моего замысла, и тогда тот или иной государственный деятель начинал на это реагировать. При этом мне никогда не требовалось какого-то особенного к себе отношения. Может быть, именно за это ко мне хорошо относились... Знаю, что в должности ректора я эффективна, и во многом смогла поднять уровень консерватории. При этом, наверное, работа помогла мне в личностном развитии. Сколько раз мне «высокие» чиновники говорили: «Жания, ты такая молодец. Видно, как переживаешь за дело, и поэтому тебе хочется помогать. Даже если тебе не сможешь, ты поймешь, что есть объективные препятствия и то, о чем ты просишь, пока трудно сделать».

Невозможно рассказать обо всех абсолютно чудесных встречах. Но отдельные эпизоды, особенно первых лет, ярко вошли в память. Когда я делилась такими историями со своими зарубежными друзьями и партнерами, они всегда восклицали: какая прекрасная у тебя страна!

1998 год. Приглашена на прием к Президенту по случаю женского праздника 8 Марта. К подобным событиям обычно готовишься с понятным волнением. Извечная проблема выбора наряда, актуальная, прежде всего, из-за оценки других дам – предстоит своеобразный парад авторитетов. (Сегодня рекомендуемый стиль и возможности vip-женщин сбалансированы, а в те времена все выглядели кто во что горазд...) В моей голове меньше всего мыслей о празднике: крутится задача – надо попасть по вопросам консерватории к премьеру Нурлану Балгимбаеву. В то время задача почти невыполнимая: годы тяжелейшие, у страны накопилось множество проблем, все хотят попасть к Нурлану Утеповичу, а он, естественно, мало кого принимает. В конце приема набираюсь смелости, подхожу к Президенту и говорю: скажите, пожалуйста, премьеру Балгимбаеву, чтобы меня принял. Нурсултан Абишевич, конечно, сильно изумился моей простоте, но все-таки ответил великодушно: «Ну иди к нему!» Я и пошла. В то время это был проход по коридору от прежней резиденции Президента в Правительство. Понятно, что я ничего не понимала в субординации. Захожу в приемную, говорю помощнику: мне Нурсултан Абишевич сказал зайти к Нурлану Утеповичу. Помощник ответил, что он сейчас занят, но я могу попробовать поговорить с ним, пока он будет через несколько минут идти по длинному коридору к Президенту. И вот, как вышел Нурлан Утепович, мы шли с ним минут пять, и я успела рассказать обо всех ключевых проблемах консерватории, и уже нечего было рассказывать, а коридор все не кончался!

Премьер назначил мне посещение после праздника. И это была уже другая история, которая в корне изменила жизнь консерватории, направив ее к благополучным и успешным берегам...

«Лечу» на прием к Балгимбаеву на машине из Павлодара, где выступала накануне. Прием назначен на десять часов, выехали в шесть. Скорость по скользкой дороге недопустимая, но... опаздывать нельзя! В результате не успела сменить дорожную одежду на официальную, захожу, как есть, в кабинет с некоторой опаской, испытывая смущение от не вполне элегантного «прикида». Кабинет продолговатый, нужно пройти немало шагов, и вдруг слышу вопрос Нурлана Утеповича: «Амандаспайсың ба?» На что отвечаю: «Қайдан билейін, қорқып келе жатырмын». – «Неге қорқасын?» – «Енді жай адам емессіз ғой – Премьер-министр

сиз!»¹ Коммуникация наладилась. Я рассказала про все тяготы текущего момента консерватории: ужасающие бытовые условия, нехватка аудиторий, отсутствие инструментов, мизерная зарплата педагогов... Помню, как Балгимбаев решительно подытожил: чем они будут бандитами или проститутками (молодежь Казахстана), пусть лучше играют на инструментах, сочиняют музыку. И показал мне всю мощь Правительства. Звонит Оразу Джандосову: «Ораз, догадайся, кто, самая красивая в Казахстане, сидит у меня на приеме?» Ораз называет фамилию дамы из банковского сектора. «Ты что, Ораз, разве там бывают красивые?» На что Ораз отвечает: «А, понял, это Ж. А.» (потому что мы с ним в коридоре встретились). Вот так они подтрунивали над нами. «В общем, Ораз, добавляешь коэффициент к зарплате коллектива 1,75 (почти двукратное увеличение!), выделяешь 50 млн тенге на инструменты. Ясно?!» Следующий звонок акиму Храпунову: «Виктор Вячеславович, это правда, что ты можешь отдать здание Казпочты и Казтелекома консерватории?» – «Да, если Вы поддержите, я готов. У них там в консерватории все рассыпается». (Ну, это я так мягко передаю.) – «Тогда готовь постановление Правительства!»

Вот так, за одно посещение, были решены кардинальные проблемы консерватории, которые не могли бы сдвинуться с места, если бы не государственное мышление Нурлана Утеповича, его смелость в принятии решений. В последующие годы, где бы он ни работал, у него сохранилось чувство сопереживания сфере культуры – я слышала много благодарных отзывов от нашего брата, да и сама неоднократно обращалась к нему. Нурлан Утепович всегда чувствовал персональную ответственность за многое в Казахстане – опыт премьерства, особенно в самые напряженные годы, не мог пройти без следа. В тот день, когда он так рано ушел из жизни, я играла концерт в Караганде... Я посвятила свое выступление светлой памяти Нурлана Балгимбаева!

Как часто я выходила из кабинетов высокого начальства не в состоянии скрыть удовольствие от визита, вызывая ответную улыбку у всех, кто находился в приемной, ощущая невероятное отношение к себе, а значит, и к консерватории, к музыкальному искусству, к культуре... Помню одну из встреч с Каримом Кажимкановичем Масимовым, когда я решила преподнести ему сувенирные тарелочки с какими-то иероглифами, с комментарием, мол, Вы, как специалист, сможете оценить и перевести слова восточной мудрости. Карим Кажимканович театральным жестом изобразил удивление и восторг. «Что, что там написано?» – в свою очередь изумилась я его неординарной реакции. «Здесь написано, что я по жизни обязан помогать консерватории! Так и написано было древними мудрецами...»

В один из прекрасных вечеров звонит мобильный телефон, и в трубке некто загадочным и приятным голосом, явно с романтическим настроением сообщает мне о том, что он мой давний и восторженный поклонник, я такая прекрасная пианистка, ему даже приснилась во сне, и т. д. и т. п. Не скрою, было приятно услышать неожиданные признания. И все-таки не оставляло ощущение чего-то странного и в голосе, и в какой-то знакомой интонации... Через несколько секунд я, смеясь, кричу в трубку: «Все-все, сдаюсь! Ладно, ладно, сыграю, буду

¹ «Почему не здороваешься?» – «Сама не пойму... Побаиваюсь». – «И чего ты боишься?» – «Но Вы же не простой человек, все-таки премьер-министр!»

участвовать!» Это был Имангали Тасмагамбетов, который специально позвонил и нашел своеобразную форму для разговора, чтобы я согласилась играть в правительственном концерте вместе с Айман Мусаходжаевой и Гаухар Мурзабековой в одном выступлении. До этого я в разговоре с Дюсеном Касеиновым, министром культуры тех лет, отказалась от участия в концерте, мотивируя это тем, что если для моего сольного номера нет места в концерте, то ничего страшного, значит, в следующий раз поучаствую. Дюсен Курабаевич явно расстроился и вынужден был доложить наверх о моем отказе, а я не хотела выступать на вторых ролях в качестве концертмейстера. Но оценила чувство юмора и креативный подход вице-премьера, который смог найти способ преодолеть мои амбиции сольной пианистки ради общего дела.

А вообще, если честно, я не любила правительственные концерты, в которых меньше всего получалось проявить свою индивидуальность. Ведь на таких мероприятиях каждый артист невольно стремится выделиться. Конкуренция за любовь и очередной успех у зрителя и не только – у высокопоставленных чиновников, у самого Президента страны – достигает высокого накала! Я никогда не хотела или не могла сражаться, поддаваясь общей атмосфере, всегда чувствовала, что не смогу проявить себя, и вообще такие концерты не для меня... Зато на своих сольных и камерных концертах, как и все артисты, ощущала такой подъем, такое вдохновение, которое возвращало мне мое природное артистическое чувство, которое почему-то отказывало мне на важных правительственных концертах...

Помню, как много помогал мне в трудные годы министр финансов Мажит Есенбаев. Он понимал, сколько переживаний, сердечной и душевной мольбы, а не только производственной необходимости было заключено в письмах, в просьбах о решении бесконечных проблем в нашей сфере, и не мог оставаться безучастным! Однажды мне разрешили присутствовать на заседании республиканской бюджетной комиссии, чтобы я стала «живым укором» всем присутствующим с фотоальбомом катастрофических разрушений нашего корпуса, требующего сейсмоусиления. Помню, как подшучивал Ерболат Аскарбекович Досаев: «Что, Жания Яхияевна, приехали нас пугать своими страшными картинками?»

Один раз я, уже будучи бывалым ректором, может быть, с трех-четырёхлетним опытом работы, воодушевленная первыми успехами в хозяйственных делах, звоню Мажиту Тлеубековичу и произношу следующий текст: «Мажит Тлеубекович, я такое странное письмо от Вас получила, в котором написано, что Вы как будто меня не любите, помогать не собираетесь и вообще знать не знаете...» На что министр, сам с чудесным чувством юмора, отвечает: «Что, правда? Так и написали?» Речь шла о нормальном бюрократическом письме, подписанном Натальей Артемовной Коржовой, его заместителем, с отказом в моей очередной просьбе... Уже не помню, чем продолжилась или закончилась история с письмом, но чувство надежности, дружелюбности осталось в душе и памяти навсегда.

* * *

Очень боялась Александра Сергеевича Павлова, наблюдая его выступления в далекие 90-е по телевизору, замечая его строго сдвинутые брови... На первые два миллиона тенге, которые он выделил, будучи руководителем Минфина в те трудные годы, мы отремонтировали всю консерваторию, по крайней мере, все

самые проблемные точки и места. Это был мой первый триумф! Восторг и удовлетворение от побед на международных конкурсах, яркие зарубежные гастроли померкли в сравнении с успехом в процессе частичной замены рассыпающихся батарей, в зачистке плесени во многих классах и коридорах, в починке неисправной электропроводки, в покупке кое-какого инвентаря! Это было круто! Позднее, при различных встречах с Александром Сергеевичем, видела, с каким вниманием к нашим проблемам и с каким простым человеческим расположением он подбадривал меня, чувствуя мою стеснительность, понимая, как непросто мне приходится преодолевать себя, повинуюсь долгу перед консерваторией...

* * *

А фраза, с которой я пришла к Кайрату Нематовичу Келимбетову! Заготовила ее заранее: «Все составы Правительства давно знают о проблеме Большого зала консерватории. Теперь я хочу и Вам рассказать о ней». – «Побойтесь бога, Жания Яхияевна! Вы мне уже рассказывали, я много раз слышал, я в любом случае подерживаю!» Как мне было неловко, но и приятно одновременно!

* * *

2004 год. Случился в новейшей консерваторской истории страшный пожар. Во время ремонтных работ – сейсмоусиления корпуса – в камерном зале, который для строителей служил складским помещением, произошло возгорание. Причина осталась неизвестной – электричество было отключено. Сгорело множество новых

На праздничных мероприятиях. Слева направо: Б. Султанов, Д. Касеинов, О. Шукеев, К. Султанов
дверей, окон, подготовленных строителями для замены, и, к самому большому моему ужасу, два концертных рояля. Я бегала в отчаянии среди пепелища, казалось – жизнь кончена! Наше происшествие транслировалось по всем телевизионным каналам. На следующий день среди множества сочувствующих звонков, лишь усиливающих горестное состояние, был звонок от К. С. Султанова. Я услышала

его слова, полные невероятной мудрости и прозорливости: «Жания, ты, наверное, сидишь и горюешь – все правильно. Но ты должна знать – это ваша бедность сгорела, а очень скоро вместо нее нарастет богатство...» Как несколько слов смогли поднять упавший дух, чтобы я снова была готова на подвиги!

Много раз до того случая и впоследствии, общаясь с Куанышем Султановичем по разным поводам, я слышала мудрые и вдохновляющие слова. Мне повезло быть знакомой с такого уровня личностью, получать его моральную поддержку, учиться жизни, отношениям с людьми...

* * *

Много добрых дел было сделано с О. Е. Шукеевым. Наше знакомство состоялось в бытность его акимом Астаны, когда решено было обратиться к нему за поддержкой в организации концерта Российского национального оркестра со мной в качестве солистки. Помню, что в последнюю неделю перед гастролями никак не решались какие-то вопросы, и мне пришлось снова побеспокоить акима. С какой ответственностью и готовностью создать для нас все условия, с каким уважением к артистам знаменитого оркестра под руководством Михаила Плетнева воспринял мои просьбы Омирзак Естаевич! В таких случаях я, довольная, говорю сама себе и коллегам: «Наш человек!»

Тот концерт посетил Президент Н. А. Назарбаев и вместе с ним значительный состав Правительства и его Администрации. Я так переживала, что в программе концерта не будут исполнены известные, более доступные для восприятия сочинения, но, к моему удивлению, именно сложная симфоническая поэма Дебюсси произвела сильное впечатление на Нурсултана Абишевича; он, только несколько часов назад вернувшийся из зарубежной поездки, после бессонной ночи с удовольствием рассуждал о красочной партитуре, о богатом звучании оркестра, о мастерстве исполнителей и дирижера. Президент встретился после концерта с музыкантами, рассказал «русской» знаменитости о своем видении культурных процессов в стране и мире, о поддержке музыкального искусства в Казахстане. Михаилу Плетневу ничего не оставалось, как только выражать желание переехать в Казахстан и благодарить за такую политику выдающегося Лидера страны!

* * *

Находясь среди большого отряда доброжелателей Омирзака Естаевича Шукеева, я с большим воодушевлением встретила его назначение вице-премьером Правительства. Каким-то образом при всей своей занятости Омирзак Естаевич всегда находил время принять меня по различным вопросам. А вопросов этих было несметное количество, всех уже и не упомнишь! Я тогда отчаивалась из-за невозможности сделать классическое радио в Казахстане (потому что неоднократно и безрезультатно обращалась к нескольким министрам культуры) и наконец решила зайти к Омирзаку Естаевичу и обсудить этот вопрос с ним, получить его рекомендации. «Зайдите к Аскарару Жумагалиеву, он продвинутый парень, сможет найти решение», – посоветовал Омирзак Естаевич. Так и случилось! После пяти лет писем, посещений, обсуждений со специалистами, поисков потенциальных партнеров нашли способ, чтобы классическое радио зазвучало в Казахстане! Оказалось, все не так безнадежно, и как всякое новое явление, оно вначале «поскрипывало», а потом пробудилось и зажило своей скромной, но чистой и вечной

жизнью на радость всем поклонникам классической музыки и даже тем, кто до сих пор не знал, что он ее поклонник... Первые годы во время встреч на официальных приемах я брала под ручку Аскара Куанышевича, очень гордая тем, что удалось осуществить такой проект, и вместе с ним ходила и рассказывала разным VIPам, что радио зазвучало благодаря этому молодому человеку!

2003 год. Помню шутливую реплику Ерболата Досаева: «Молодец, Жания! Самый крутой оркестр на сегодняшний день привезла в Астану!» – он имел в виду гастроли Российского национального оркестра. А сама я, как всегда, бегая по организационным вопросам, взмыленная, в стрессе, сыграла «Рапсодию на тему Паганини» – пианисты знают, какой это крепкий орешек!

После концерта с М. Плетнёвым

Если вспомнить все встречи с Ерболатом Аскарбековичем, и в бытность его министром финансов, здравоохранения, национальной экономики, а потом и вице-премьера Правительства, то впечатления после визитов были всегда в высшей степени позитивные. Как часто я обращалась к нему за помощью! А ведь это было не всегда возможно с другими высокопоставленными персонами. Я очень следила за балансом, понимая, что бесконечно к одному и тому же человеку обращаться нежелательно – должно же быть чувство меры! Помня и оценивая оказанную помощь и поддержку, даже самую небольшую, старалась лишний раз не беспокоить и не разочаровывать людей постоянными просьбами. А в общем я думаю, что мне удавались контакты с властью еще и потому, что я практически не обращалась с личными бытовыми вопросами, а всегда только по проектам культуры, образования, по текущим делам консерватории. Да не осудят меня государственные деятели, если я признаюсь, что частая смена составов Правительства в те годы была позитивным фактором для меня, потому что давала шансы познакомиться

с новыми персонами в надежде, что они будут воспринимать наши проблемы как свежие и неотложные. Если посмотреть с высоты птичьего полета на походы «народной артистки» по кабинетам чиновников, сложится увлекательная картина, показывающая, с какой страстью и изобретательностью я выстраивала свою работу; как мой ведомственный эгоизм руководителя, неумность в решении новых, все более амбициозных задач оборачивались в пользу нашей консерватории, превращались в стимул для креативных процессов в музыкальном искусстве, для максимальной реализации талантов молодежи! На этом пути я взаимодействовала с абсолютно чудесными личностями, к которым я и отношу Ерболата Досаева. Для меня он – молодой человек с огромным опытом государственной службы, и в общении с ним у меня выработалась насущная потребность получать дельные советы не только по работе, но и по жизни, периодически воспринимать ободряющие слова, получать моральную поддержку с хорошей порцией тонкого юмора...

* * *

Не многие знают, что в течение ряда лет я обращалась за спонсорской поддержкой для консерватории и для собственных зарубежных концертов к Булату Джамитовичу Утемуратову, внешне очень суровому и в те годы закрытому для общения руководителю Управления делами Президента. По большому счету, коллективу консерватории и студентам всегда было все равно: они ни во что не вникали, воспринимая помощь как само собой разумеющуюся. Но именно благодаря доброй воле меценатов, благодаря рождению в нашей стране культуры благотворительных и образовательных фондов мы, как творческий вуз, смогли значительно усилить свой потенциал, повысить собственную конкурентоспособность, презентовать себя международному сообществу в новом качестве. Надо ли подчеркивать, как такая поддержка давала силы, решимость действовать в доселе неизвестной среде, свободу и смелость заявлять о своей стране, делающей успехи во всех направлениях, в том числе и в такой решающей для престижа государства сфере, как культура ...

А как важно было для меня, что, несмотря на множество обращений по разным поводам и проектам, Булат Джамитович сохранял неизменно сдержанное и в высшей степени уважительное ко мне отношение! Я знаю, что не выдержала бы столько лет напряженной работы, если бы не это внимание к заботам культуры, которое мне демонстрировали многие государственные деятели, бизнесмены, дипломаты... Большинство из них я воспринимаю как своих единомышленников!

* * *

Прекрасные дамы... Сколько их по жизни мне помогало! Мало кто может представить, что многолетний юрист правительства, легендарная Жанна Дачеровна Егимбаева постоянно отзывалась на мои просьбы, делилась советами, разъясняла сложные вопросы, оказывала поддержку в оформлении документов. У консерватории не было возможности нанимать качественных юристов. Понимая это, Жанна Дачеровна, будучи нереально загруженной, как-то находила возможность отвечать на звонки и встречаться по моей просьбе... «Ну ты и артистка!» – приговаривала она, когда бывало особенно сложно, и нужно было возиться и тратить много времени. У меня в таких случаях, во-первых, возникало желание поставить

памятник человеку, который помогал, во-вторых, приходило осознание того, что в какой-то необыкновенной стране я живу, раз такое случается!

Карлыгаш Газизовна Какен! В середине первого десятилетия XXI века мы начали выезжать с консерваторскими коллективами на концерты в Астану и в регионы страны. Концерты в регионах по приглашениям акимов организовывались силами акиматов, зато в Астане нужно было прилагать значительные усилия. Культурно-концертная жизнь в столице активизировалась, и получить зал и публику становилось все сложнее. Мы каждый год, начиная с 2004-го, выступали в Астане, и в течение нескольких лет главным организатором концертов была Карлыгаш, в то время руководитель аппарата Министерства транспорта и коммуникаций РК. Никогда не забуду, как Карлыгаш, опытный «орговик», обеспечивала явку на наши концерты. Я просила не употреблять по отношению к нашим концертам задевающее наше достоинство слово «явка», но правда жизни была такой: наши концерты, кроме нескольких десятков приглашенных мной лично друзей и випов, посещали преимущественно транспортники, как наземные, так и воздушные, представители водного хозяйства и множество специалистов по связи и коммуникациям. Если в списки включались представители нацкомпаний, то аншлаги нам были обеспечены! А что? Это наши граждане, мы растим молодежь для того, чтобы повышать общий культурный уровень страны, а Карлыгаш, обладающая мощным государственным мышлением, выполняла свой гражданский и профессиональный долг! Сколько организационной работы, телефонных звонков, подготовки писем, передачи этих писем адресатам, развоз пригласительных – а еще и угощения обедом и чаепития с временами голодным ректором, не имеющим своего офиса и помощников в Астане – воспоминания о кабинете Карлыгаш Газизовны наполняют душу теплом и благодарностью!

Дорогие Жанна и Карлыгаш... А ведь это только два примера, а в памяти осталось много друзей, таких чудесных и незабываемых... Почему я получала столько поддержки от совершенно разных людей, напрямую не связанных с областью культуры? Скорее всего, из-за сочувствия к артистке, которая постигала на практике все тяготы административной работы, принося в жертву свой талант и творческую реализацию ради блага вверенного ей учреждения культуры. Но у меня не было таких мыслей: все подчинялось долгу перед консерваторией, коллегами, студентами.

ХОРОШЕЕ У НАС ГОСУДАРСТВО И ЛЮДИ, В НЕМ ЖИВУЩИЕ...

Каждая поездка в Астану – поиск машины для перемещений. Часто это сопряжено с милыми и смешными ситуациями. Вчера, например, начала свой запрос на машину со следующих слов: «Нургиса, я, между прочим, уже три раза была в Астане, а к Вам по поводу машины не обращалась! – В ответ на смех Нургисы добавляю: – Скажите спасибо за это! А вот теперь на три дня еду, пожалуйста, предусмотрите...» (Нургиса – начальник гаража «КазМунайГаз-сервиса», которому было поручено в разные годы, разными руководителями возить меня в моих командировках в Астану.)

Хорошее у нас государство и люди, в нем живущие... Не помню, чтобы я тратила деньги на такси: всегда найдется добрая душа, которая выделит машину на день или более. Мой телефон полон номеров талгатов, ерланов, борисов с приставкой «вод»

– водитель, то есть человек, с которым проводишь напряженные дни командировок. Я с удовольствием беседую с ними в дороге, узнаю про их жизнь, рассказываю про свою – чаще всего, делюсь впечатлениями от какого-нибудь визита, восторженная, с нетерпеливым желанием поделиться с кем-нибудь радостным известием. Кто только меня не возил! Никогда никто из сферы образования или культуры, но обычно нефтяники разных калибров, транспортники (много лет), КТЖ, КЕГОК, иногда УД Президента, Музей Президента – боюсь забыть всех за много лет. Чувство благодарности огромное! Один раз на банкете в честь независимости хочу добраться до аэропорта и ищу машину в компании сотрудников акимата Астаны. На мой вопрос аким района отвечает: «Жания, ты стоишь рядом с самым нужным человеком. У него в управлении весь транспорт Астаны!» Так приятно бывает в такие моменты обнаружить очередное доброе и восторженное отношение!

В один из приездов напросилась на прием к руководителю КТЖ Аскару Мамину (с тех пор неоднократно обращалась). Удивительная личность! Каждый раз поражаюсь изяществу, тонкости, приятной форме общения. Во время таких встреч автоматически или бессознательно проверяешь чиновников на уровень культуры, а они в большинстве своем соответствуют твоим ожиданиям. Или, например, Марат Тажин. Очень закрытый, непубличный, осторожный, никогда на людях не подает вида, что знаком, а когда общаешься с ним в кабинете – интересный и неординарный собеседник, с редкой для чиновника богатой лексикой и аналитическими способностями ученого.

Вообще я давно поняла, что езжу в Астану пообщаться, получить впечатления, проверить «погоду в доме»... Получается, что обычное общение уже не всегда дает нужный драйв, заседаешь на «разговорчики» с астанинскими чиновниками. Кажется, что им интересно отвечать на мои «вопросики», касающиеся их сфер, или вообще относительно текущего момента или будущего. Много раз я замечала, как они раскрывались как личности с неожиданной стороны. Однозначно, что те, с кем мне приятно общаться, переживают за страну, за свое дело – это чувствуется на интуитивном уровне. Моя позиция приезжающей на время гостьи была очень удобна для меня...

Хорошо съездила в Астану – это значит не вставала чуть свет на ранний рейс, не падала на соседей, засыпая на позднем. Действительно, поездки становятся похожи на трамвайные или троллейбусные, но между двумя городами. Вот только думаю: все время напоминают в самолете, чтобы выключали приборы, электронику. Если бы на самом деле было вредно, разве оставляли бы их у пассажиров? Но, наверное, все-таки чуть-чуть мешает...

Глава 3 В ТВОРЧЕСКОМ ПОТОКЕ

* * *

Первая половина 2013 года. Редко встречается в полете легкое творческое состояние, когда можно подумать о важных моментах жизни, настроиться на будущие события, ощутить чувство какого-то общего удовлетворения. Эти полгода были насыщены обычными напряженными планами. Консерваторские детки продолжили зажигать своей энергией казахстанскую публику. Я выучила для себя много новых произведений из камерного репертуара: трио Мендельсона,

два трио Рахманинова, восстановила сложнейший «Квартет на конец времени» Оливье Мессиана, Первый концерт Брамса. Потрясли гостей Астанинского экономического форума концертом в ЦКЗ «Казахстан», открыли обновленный Дворец Республики. Действительно, основными событиями полугодия стали эти консерваторские концерты, проявившие новое состояние нашего коллектива – можно было получать настоящее удовольствие от талантов наших студентов, от гордости за нашу совместную педагогическую, воспитательную, творческую работу.

Неожиданными, но очень приятными стали два события: участие в качестве «крестной матери» в открытии первой казахстанской нефтяной буровой баржи и приглашение играть для королевской семьи в Лондоне в фамильном замке Сент-Джеймс. Оказалось, что собрание было посвящено встрече попечителей Фонда принца Уэльского Чарльза, который занимается поддержкой детей во всем мире. Удивительно, что для кого-то эта обстановка могла бы быть слишком торжествен-

После концерта по случаю собрания попечителей Фонда принца Чарльза.

С Олегом Сендецким, Альфией и Тимуром Куанышевыми в замке Сент-Джеймс

ной и ответственной, но для исполнителей классической музыки – самая что ни на есть привычная и желанная. Тому есть простое объяснение – именно в такой обстановке эта музыка зародилась и поэтому именно в интерьерах дворцов и замков эта музыка проявляет свои самые лучшие свойства. Вдохновение исполнителей усиливалось внешним видом слушателей, особенно дам, которые блистали роскошными вечерними туалетами, украшениями и знатным происхождением.

Мое выступление было представлено организатором концерта, известной бизнес-леди Альфией Куанышевой – яркой, харизматичной, блестящей во всех отношениях персоной международного уровня.

* * *

Это было абсолютно чудесно! Оказывается, что-то созидательное происходит и в сфере экономики, хотя принято думать, что это невозможно. Часто мы склонны либо переоценивать себя, либо недооценивать. Стало общим мнением, что казахи способны только покупать что-либо на нефтяные деньги, но не могут ничего самостоятельно произвести, не хватает опыта, образования, технологий – словом, безнадежно отстали от мира. Оказывается, не все так плохо! Я была приглашена на церемонию присвоения имени первой казахстанской нефтяной буровой барже, которую построили казахи с корейцами и итальянцами на корейские деньги. Меня ждала роль «крестной матери», или, как говорят у корейцев, Lady Sponsor: предстояло дать название кораблю и по принятой традиции разрубить топориком бечевку, ведущую к барже.

День начался с поездки на базу Курык, где и была построена баржа. Как мне рассказали в ответ на мой вопрос об объеме инвестиций, строительство обошлось заказчикам неизмеримо дороже, чем если бы оно производилось в Корее (корейцы – признанные лидеры в судостроительстве). Но поскольку приплыть в Каспийское море (по сути – озеро) невозможно, пришлось строить баржу на месте. Там же я узнала, что баржа – величественное и грандиозное сооружение с буровыми установками, газовыми трубами и насосами, огромными резервуарами для нефти, вертолетной площадкой и множеством другой сложной техники.

В Курыке меня встретила солидная делегация корейцев – представителей национальной нефтяной компании, других бизнес-структур. Они все очень серьезно восприняли мою персону; видно было, что моя роль важная и ответственная, а не парадная и достаточно формальная, похожая на роль «свадебного генерала», как я подумала вначале. У меня уже имелся опыт «крестной матери» первого казахстанского нефтеналивного танкера. Тогда, в 2004 году под Санкт-Петербургом в Выборге все обстояло торжественно и празднично, легко и радостно – надо было разбить бутылку шампанского о борт танкера в соответствии с известной морской традицией, и было важно, чтобы бутылка разбилась с первого раза – тогда корабль ожидает счастливая судьба.

Если судить по настрою гостей, в Курыке меня ожидала еще большая ответственность. В их традициях при спуске судна на воду нужно разрубить специальным топориком бечевку, которая соединяется с огромным шаром на барже. Во время удара бечевка лопается, а за ней и шар, из которого вылетают праздничные разноцветные конфетти и обсыпают собравшихся на берегу людей. Кроме того, мне предстояло начать церемонию словами: «Я даю название барже “Каспийский исследователь”, и пусть Создатель благословит корабль и плавающих на нем людей...»

Мы приехали в Курык специально за несколько часов до церемонии, чтобы обучиться навыку удара по бечевке. Оказалось, не все так просто! Лезвие топорика было закругленным, и простым движением бечевка не разрубалась. Со мной несколько раз репетировали удар, но предсказуемого результата не получалось. Я, конечно, стала волноваться – а вдруг в самый нужный момент рука дрогнет, бечевка не лопнет – что будет с бедными корейцами! Было очень трогательно слушать уже после церемонии их речи, такие эмоциональные и взволнованные! Почти во всех речах они говорили об особой роли Lady Sponsor – так велика их вера в традиции, столь непосредственна их реакция на ритуал! Надо ли упоминать,

что было страшно жарко, и это не добавляло уверенности и сил... Однако все сложилось в конце концов замечательно! К 14 часам, как и ожидалось, прибыли на вертолете высокие гости с казахстанской стороны: вице-премьер правительства С. Ахметов и аким Мангыстауской области Б. Мухамеджанов, глава «КазМунай-Газа» Л. Киinov и другие. Все замечательно выступали, только корейская сторона была слишком многословной – видимо, таковы их традиции.

Все так радостно закричали после успешного удара топориком, что мне действительно показалось, что я совершила какое-то очень значительное действие, наполнившее меня законным чувством гордости! Как велика сила традиций! Не могу представить, какой могла быть реакция в случае неточного или неудачного движения рукой! Но как все бросились после церемонии фотографироваться со мной! Как счастливы были корейцы в связи с удачным исходом события и, кажется, как довольны они были моим внешним видом и размерами – почти все они были мне по плечо, и, думаю, все предвкушали, как будут демонстрировать эти фотографии своим знакомым и друзьям.

Я получила хорошую дозу восхищения от совершенно незнакомых людей, провела полдня накануне лондонской поездки, практикуясь в английском языке, познакомилась с умными и симпатичными бизнесменами, удостоилась приятных и запоминающихся подарков. А главное, получила обнадеживающую информацию о потребности казахстанской экономики в специалистах-инженерах, о чем я действительно беспокоилась в связи с профессией сына Алихана.

70 ЛЕТ КОНСЕРВАТОРИИ. ХРОНИКА ЦЕЛОГО ГОДА

Наконец перестали мучить кошмарные сны, которые периодически приходили после напряженного года. А снились бесконечные толпы студентов, которых надо куда-то везти, что-то с ними репетировать... Звонки випов с просьбами организовать концертные номера – это значит, опять надо их куда-то отправлять... Снился Дворец Республики перед основным юбилейным концертом, снился зал, полный нетерпеливых зрителей – а у нас еще ничего не готово, и почему-то я оказалась совсем не в курсе?! Продолжается сон, и теперь все зрители бегут из зала, потому что на сцене происходит бог знает что, абсолютно убогое и скучное! Сколько в душе накопилось тревоги, которая постепенно уходит с окончанием того или иного мероприятия...

* * *

Жить в условиях неопределенности превратилось в многолетнюю привычку. Так бывает тоскливо представлять, что предстоит сделать и сколько потребуется энергии, напряжения, времени, чтобы дойти до реальных действий и создать для них необходимые условия! Но юбилейный год консерватории ректор обязан провести. Слышались голоса, что дата не совсем юбилейная, проводить не обязательно (иногда даже думаю, что если бы мы не предпринимали ничего, не проводили, не шумели, никто бы ничего и не спрашивал, может быть, даже втайне радовался: какие молодцы – не шумят, оставили в покое). Ведь можно понять родное министерство образования: столько труда, забот, а тут еще бесконечные юбилеи, а значит, награды, поздравления, визиты... В сущности, и коллективу ничего не нужно, большинство педагогов мечтает, чтобы их не трогали, не заставляли

что-либо писать, выступать, организовывать и т. д. Тогда кому это все нужно? Чье самолюбие тешится при этом? Все мы – жертвы традиций, общественного мнения, нужно кому-то доказывать, что мы активны, с определенным положением, статусом, и тогда начинает работать машина – тяжелая, неповоротливая, сопротивляющаяся, унылая, не понимающая, зачем ее заставляют двигаться, да еще и с ускорением!

Вообще не хотелось делать обычных в таких случаях больших шоу-представлений, подобных тем, которыми в последние годы поразили алматинскую и астанинскую публику. Думали сосредоточиться на создании и демонстрации видеопродукции, которая бы транслировалась по казахстанским и зарубежным каналам, представляя солидный уровень нашей консерватории, выросшей к своему 70-летию. Но, оказалось, дорого, да и каналам совсем неинтересно. Пока я мучительно размышляла, наступило время действий. «Самрук-Казына» дали надежду на поддержку. Срочно надо было выучить произведение для хора и оркестра с солирующим фортепиано с приглашенным дирижером из Московской консерватории Анатолием Левиным. Это была «Фантазия для хора и оркестра» Бетховена. И состоялся чудесный концерт, хотя ничего такого я заранее не почувствовала и готовилась как-то без особого вдохновения.

С февраля началась у меня программа подготовки детей из Байсеитовской и Жубановской школ к конкурсу Мацуева в Астане. Ходила к акиму Алматы Ахметжану Смагуловичу Есимову за помощью по размещению педагогов, которые были приглашены из Москвы, Германии, Малайзии, чтобы усиленно заниматься с детишками. Так за них переживала, так хотелось, чтобы играли достойно. Ведь в Астану из-за мировой известности сибиряка Дениса Мацуева едут самые сильные дети из всех крупных стран, и главным образом из Москвы с традиционно сильной подготовкой. Наши детки должны были быть по-настоящему конкурентоспособными. И они нас, своих педагогов, приезжих консультантов и родителей не подвели – смогли пройти отборочный тур, а также выступить с максимальной концентрацией на конкурсе. «В младшей группе казахи всех “порвали”», – говорили в кулуарах конкурса, и не случайно оценка Мацуева и жюри была закономерно высокой, особенно по поводу восходящей «звездочки» казахстанской школы пианизма Санжарали Копбаева.

* * *

В это время беспокойство по поводу юбилейных проектов все нарастало. Помню несколько встреч с руководителями оркестров, хора, деканами, заведующими кафедрами – «мозговых штурмов» на предмет поиска участников, программ, формы и содержания предстоящих концертов. А потом уже не осталось времени на встречи, потому что начались гастрольные поездки коллективов консерватории, которые по временным и энергетическим затратам составляют самую сложную с точки зрения организации работу. В результате в юбилейном году не было ни единой секунды времени. Готовились и выступили в мае на фестивале в Пекине с хором с огромной двухчасовой программой. Заодно я умудрилась побывать на конкурсах в Красноярске и Астане и с мастер-классами в Пекине и Гуанчжоу. Неожиданно наступил конец учебного года со всеми церемониями выпускников консерватории и авторской школы. В это же время усиленно готовился концерт, посвященный трехлетию радио «Classic», в котором также участвовали консерва-

торские коллективы. Концерт был задуман как оригинальное шоу. Его создавали при поддержке спонсоров, представителей казахстанского бизнеса, оказавшихся большими поклонниками нашего радио. Организатор концерта Раушан Джуманиязова договорилась также о приглашении Михаила Казиника, звездного ведущего, комментирующего музыкальные номера,...

* * *

С чувством большого воодушевления от постановки обновленной версии оперы «Абай» А. Жубанова, осуществленной его потомками под руководством Алана Бурибаева, шла я с хорошим настроением, довольная, напевая мотивчики... и, не заметив последней уличной ступеньки возле дома, сильно подвернула ногу. Наутро оказалось – перелом косточки, гипс, рекомендована неподвижность. А у меня впереди – самая активная десятидневка полугодия, с массой публичных мероприятий, и главное, через две недели – встреча и совместная игра в четыре руки с легендарной Мартой Аргерих в Лугано с программой, которая усиленно и взволнованно готовится. Что делать?! Помню безмерное отчаяние Ани, организатора и вдохновителя всех наших концертов.

В это же время провели годовщину нашей мамочки – мероприятие, требующее больших сил и энергии, особенно когда оно связано с горестными переживаниями... Удалось выпустить замечательную книгу воспоминаний коллег, учеников, друзей и прекрасный фотоальбом о маме с рассказами родных и близких.

Сколько людей пугалось, видя мою «костяную» ногу, а больше всего – я сама, потому в самый ответственный для заживления момент бегала как угорелая! Невозможно было ничего ни отменить, ни перенести. Я очень боялась последствий и проблем с ногами. Но бог помиловал, видя мои серьезные обязательства... К тому же оказалось, что испытаний мало не бывает. За день до отъезда звонит в пять утра дочь Марты Аргерих и сообщает, что мама заявленную программу не успела выучить и предлагает совсем другие произведения. Судорожно пытаюсь выбрать из предложенного и неизвестного мне репертуара. Думаю, чем заменить из моего репертуара – все очень трудное и за один день не повторить! Но все прошло благополучно, и детали не так важны.

* * *

Не успели отойти от грандиозного события, как надвинулась поездка в Сеул и Тэгу с нашим симфоническим оркестром с колоссальным Третьим концертом Рахманинова и симфонией Шостаковича, симфонической сюитой Тлеса Кажгалиева. Чем заниматься? Вернее, как заниматься всем одновременно? Как переедем из Тэгу в Сеул, когда концерты подряд два дня? Как накормить сто человек? Успеем ли отдохнуть? Не дай бог, кто-нибудь опоздает. Как обыграть программу в начале сентября? С каким дирижером? Ищем на выбор корейского или китайского. За полгода найти хорошего очень трудно – все заняты... Повезло, и с помощью нашего потрясающего европейского партнера-валторниста Ксяоминга Хана смогли познакомиться и договориться с Дорианом Уилсоном, американским дирижером, живущим в Германии. Вначале было тяжеловато, непривычно, но к концертам все сложилось. Видите ли, нашим студентам было недостаточно его улыбок. Балованные создания! Детки малые! Пришлось попросить дирижера побольше улыбаться...

Концерты в Корее прошли так здорово, столько поразительных впечатлений получили, столько увидели проявленного к нам внимания, доброго отношения и настоящей культуры быта, столько национальных традиций узнали – незабываемая поездка!

Детки также блестяще выступили в Сан Шин-университете в Сеуле, после чего «укатили» домой, а мы с Аней продолжили концертное турне: с профессором Чангом из Сеульского национального университета играли в их зале программу для четырех рук – Рахманинова, Дворжака. Непривычные ощущения испытала, впервые исполняя подобный репертуар – пианисты сидят за одним роялем и делят клавиатуру пополам. Мне было очень тесно – нет привычной свободы, как за полной клавиатурой. Декан факультета, с которой встречались на предмет возможного сотрудничества, пошутила: «Вы действительно начали с осуществления самого “тесного” сотрудничества».

* * *

По возвращении домой нас ждала финишная прямая юбилейного года. Продолжились «муки творчества» с производством фильмов о консерватории, близилась к завершению книга о нас, но беспокоили финальные концерты во Дворце Республики, в Центральном концертном зале «Казахстан» в Астане. Самое страшное – это договариваться со световиками, звуко- и видеорежиссерами, декораторами сцены, рекламными компаниями. В общем-то индустрия концертов, подобных нашему, совсем не развита, и если уж обращаешься с соответствующим масштабом, то тебе и выкатят «прайсы», от которых впадаешь в шоковое состояние. Одно дело организовать концерт в зале от двух-трех тысяч зрителей, другое – осуществить видеосъемку. Знаю, что за 25 лет независимости ни один концерт качественной народной музыки не был снят так, чтобы технические параметры соответствовали современным стандартам звука и света. Но все со временем теряется в волнах памяти...

Прошли два удачных концерта в Алматы и Астане, со всеми репетициями, съемками и досъемками, переездами, футлярами с инструментами, расселениями студентов и педагогов по гостиницам, координацией по автобусам, и т. д. и т. п. Астанинский получился более компактным и ярким по настроению. В конце этого концерта ко мне подошел руководитель аппарата «Самрук-Казына» Улан Тажибаев и, поздравив с выступлением консерватории, сообщил, что принято решение премировать коллектив за подготовку отличного юбилейного мероприятия. Около ста педагогов консерватории получили премию от «Самрук-Казына» прямо в канун Нового года в качестве признания и благодарности от общества за подготовку высокопрофессиональных кадров для музыкальной культуры Казахстана.

* * *

Бывают моменты в жизни, когда нет времени на раздумья и сомнения – надо действовать! Расскажи мне кто-то десяток лет назад о том, как я буду разговаривать с потенциальным спонсором, восприняла бы как веселую шутку в нереальных обстоятельствах...

Очередной юбилейный год консерватории близится к завершению. Уже пройдены этапы творческих поисков, получено спонсорское финансирование от «Самрук-Казына», утверждены и реализованы основные планы, программы, зару-

бежные поездки – весь набор юбилейных мероприятий... Изданы книги, выпущен двухсерийный фильм, и в конце года готовимся к двум гала-концертам в Алматы и Астане. Остались «мелочи» типа рекламных роликов, оформления сцены, свет, звук (знающие люди понимают, какой это объем финансирования, особенно если необходим высокий профессиональный уровень звуко- и видеозаписи, соответствующий нашим требованиям). Помню, как обратилась к заместителю акима Алматы Ильину, потому что уже не было средств, чтобы отвезти алматинские декорации в Астану на аналогичный концерт уже через неделю.

– Уважаемый Юрий Викторович, спасите! Мне нужно перевезти декорации в Астану, а денег нет! Помогите!

– Ну, у меня ничего другого нет, кроме бортового «Камаза».

– О, супер! Только можно я спрошу, подходит или нет для перевозки?

Звоню снова:

– Юрий Викторович, «Камаз» подходит, ура! Юрий Викторович, почему я себя чувствую каким-нибудь генералом или строителем-прорабом?

– А Вы и есть, – отвечает зам акима, – генерал или начальник стройки, – и смеется...

Как?! Я же пианистка, деятель культуры, хрупкое существо! (Но понимаю, что давно сама себя так не воспринимаю, что уж говорить о других...)

* * *

Сию в Центральном концертном зале на заключительном концерте консерватории в год ее семидесятилетнего юбилея. Все организационные проблемы и хлопоты позади. Огромное количество мероприятий разного калибра уже вошли в историю. Осталось сорок минут до конца концерта и... свобода! Свобода после целого года напряженного труда! Рядом со мной чудесные друзья консерватории, госсекретарь, министры, депутаты, общественность Астаны. Довольная выступлениями коллективов и слегка расслабленная, вижу следующую картину: на постаменты позади оркестра вдруг начинает выходить гуськом половина хора – не торжественно, как обычно, а странно озираясь, но продолжая идти. Вторая часть хора справа почему-то не выходит. Естественно, что половина хора петь не может. Ну, думаю, не очень вникая в происходящее, наверное, так задумано.

В это время за кулисами, по рассказам очевидцев, происходит абсолютно нестандартная форс-мажорная ситуация. Половинки хора выводятся с правой и левой стороны кулис менеджерами, у которых все расписано по сценарию, вплоть до секунд. Шахноза, ответственная за левую сторону, по ошибке выпускает хор на один номер раньше, чем положено. Дирижер в недоумении, но, не растерявшись, продолжает свою программу. Аня, сидящая в пультовой, из которой виден весь процесс из зала и координируется работа телевидения и закулисья, в отчаянии кричит по радиации Марине (она находится с правой стороны кулис): «Почему хор вышел раньше времени?!» «Какой хор? Хор стоит возле меня, я его не выпускала!» – отвечает Марина. «Но ведь хор на сцене!» Марина, догадавшись о случившемся, перебегает на другую сторону кулис и видит: часть хора, уже поняв ошибку менеджера, стоит на сцене, не зная, как пережить момент сильного конфуза. Допустившая ошибку Шахноза, которая на самом деле вовсе не менеджер, а студентка-пианистка, пребывает в полуобморочном состоянии...

Из зала эта ситуация воспринималась не так критично, но организаторы, которые «муштровали» участников, доводя все до полного автоматизма, пережили сильный стресс... Когда смотрим видеокadres с того концерта, вспоминаем с девчатами такие моменты, переживаем заново, пересказываем в лицах, хохочем до слез...

* * *

Эпизод, вспоминая который, смеюсь и стесняюсь одновременно. В один из вечеров, когда я по обыкновению сидела в своем кабинете допоздна, уставшая и замученная, но продолжающая какие-то переговоры и пишущая письма, – приходят ко мне два товарища, один знакомый, а другого привели познакомиться. Имена не буду называть – уважаемые люди. Меньше всего я в состоянии общаться, но традиционное гостеприимство обязывает вежливо, дипломатично поговорить о том о сем. Хорошо, секретарь задержалась, смогли предложить чай... Через несколько дней встречаемся с новым знакомым на собрании в акимате. Как стрела на финишной прямой, как бегун перед последней стометровкой, отчаянно ишу, к кому обратиться в поисках средств перед окончанием большого проекта из-за непредвиденных расходов (все как на стройке!). Увидев знакомое лицо, без уверенности, что сразу узнает, и без особого вступления обращаюсь с просьбой о помощи. Новый знакомый, не ожидая такого напора, отвечает: «Ойланайык, қарастырайық...» – «Қарастыруға уақыт жоқ! Ойлануға мүмкіндік жоқ!» – почти кричу я и требую однозначного ответа. Агашка, сломленный этим напором, говорит: «Давай ертең келейін»². «Давайте», – отвечаю. И действительно, на следующий день приходит, сообщает о намерении оказать спонсорскую помощь и начинает сочувствовать мне, учить, что не должна я сама заниматься такими мелочами, как фуршет, реклама и т. д. Выясняется, что и мой кабинет, и вид моей секретарши не впечатлили агашку. Дал жизненный совет: иметь гвардию или хотя бы несколько помощников, которые бы делали за меня какие-то обычные рутинные вещи... Крепко я тогда задумалась о своей доле! Прав агашка! Так и не научилась иметь помощников, советников, референтов, PR-менеджеров, костюмеров, кухарок, водителей, бодигардов... И по понятной причине: где взять столько средств, чтобы их содержать?! Не чувствую, точнее, не создаю себе статус, пьедестал, ореол недоступности, особую значимость. Қарапайым³, говорят...

Продолжение следует.

² «Надо подумать, посмотреть...» – «Думать уже некогда, нет времени, никаких возможностей уже нет!» – «Давай завтра подойду».

³ Скромная, простая.

